

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

НАСТОЯЩЕЕ
ПРОШЛОЕ

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Роман Валерьевич Злотников
Настоящее прошлое.
Крушение империи
Серия «Настоящее прошлое», книга 2
Серия «Фантастика.
Альтернативная история»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66798768
Настоящее прошлое. Крушение империи: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-162084-4*

Аннотация

Роман Злотников, в прошлом капитан МВД РФ, преподаватель психологии и стрельбы. Автор нескольких научных работ.

Суммарный тираж проданных книг превышает 10 миллионов экземпляров.

В 2015 году писатель стал лауреатом городского фестиваля фантастики «Роскон», получил «Серебряный Роскон» за роман «Землянин. На службе Великого дома».

Роман Злотников пишет в жанре боевой фантастики, участвует в писательских конвентах и книжных фестивалях.

Герои произведений автора, как правило, обладают сильным характером и даже в самых опасных ситуациях не забывают о долге и верности своим принципам.

Продолжение цикла про попаданца в СССР. Вторая книга о старом успешном мужчине, который переместился в четырехлетнего мальчика. Теперь он вынужден повзрослеть заново и столкнуться с развалом Советского Союза.

Рома Марков окончил школу. Впереди то, что называется «взрослая жизнь». И начальные ее годы придутся на то время, когда могучая империя под названием «Советский Союз» стремительно неслась к своему краху. Что будет с ним происходить в эти нелегкие времена? Чего он сумеет достичь? Какие потерпит неудачи? Какие извлечет из них уроки?

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 3	62
Глава 4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Роман Злотников
Настоящее прошлое.
Крушение империи

© Злотников Р.В., 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

– Тысячи лет! Тысячи лет Россия собирала вокруг себя земли и народы, вбирала их в себя, следовала путем Христа – несть для меня ни эллина, ни иудея, спасала от уничтожения и позволяла прирастать в числе. И за это все эти народы платили России любовью и верностью – грузин Петр Багратион сложил за нее голову на Бородинском поле, курляндец капитан Сакен подорвал себя вместе с турками, захватившими его корабль, якут Федор Охлопков грудью встал на защиту страны от немецко-фашистских захватчиков, был ранен двенадцать раз, но сам при этом уничтожил более четырехсот гитлеровцев, армянин Айвазовский прославил Россию в искусстве... Но потом пришли трое уродов – и разломали страну по живому! – Депутаты наконец-то отошли от шока, вызванного моим поступком, вследствие чего гул голосов начал нарастать так, что для того, чтобы меня услышали, мне пришлось все больше повышать голос: – И это предательство вскоре приведет к тому, что русских начнут резать, голыми и босыми выбрасывать из своих домов, насиловать, обращать в людей второго сорта, лишая их гражданства, а потом и заставлять совсем отказаться от своих предков, от своей национальности, принуждая становиться «иванами, не помня-

щими родства». И когда это начнется – вспомните, что это сделали вы, Борис Николаевич! И будьте вы прокляты! – Гул голосов окончательно превратился в рев. Сотни глоток, надсаживаясь, орали: «Долой!» Десятки депутатов с перекошенными лицами остервенело полезли на сцену, собираясь отшвырнуть меня от микрофона... но другие, пусть и уступающие им в числе, отчаянно сцепились с ними на ступеньках и у кромки сцены, давая мне возможность закончить свое спонтанное выступление.

– А еще – я хочу заявить... – я уже откровенно орал, – что не желаю иметь ничего общего с властью, уничтожающей мою страну. Потому что и тот осколок великой страны, который сохранил название Россия, с такими руководителями будет ввергнут в пучину разрухи и войн. Поэтому – вот! – я выхватил из кармана книжечку удостоверения депутата и одним движением разорвал ее. – Я отказываюсь от мандата депутата! – после чего развернулся и двинулся прочь от трибуны...

По большому счету я не сказал ничего особенно нового. Подобные речи с этой трибуны уже звучали. Ну, может, не совсем в таком виде и с таким всеобъемлющим набором предостережений, но звучали. Однако у всех, кто говорил об этом ранее, не было одного, главного аргумента, который имелся у меня. И как раз сейчас я шел мимо него.

Борис Николаевич Ельцин, первый Президент Российской Советской Федеративной Социалистической Респуб-

лики, прибывший на заседание Верховного Совета РСФСР дабы триумфально отчитаться о своей поездке в Беловежскую Пушу, во время которой решением трех дорвавшихся до власти уродов был ликвидирован Советский Союз, сидел на полу, держась за исцарапанную щеку, на которой наливался краснотой отпечаток моей ладони, и сверлил меня злобным взглядом...

Глава 1

– Ну что, как, нравится?

Я не стал отвечать, а повернулся к Аленке, слегка обалдело оглядывающейся по сторонам.

– Как тебе?

Она резко развернулась ко мне и быстро-быстро закивала. Причем глаза у нее были такими восторженно-щенячьими...

Эту «однушку» в сталинском доме на улице, носящей имя революционера Бабушкина, нам подыскал подпольный маклер (они нынче все подпольные, поскольку официально такой профессии в СССР нет), на которого я вышел через того самого Якова Израилевича, заместителя директора «Лениздата». За свою работу денег он с меня взял довольно солидно – сто пятьдесят рублей, зато и квартиру подобрал просто супер. Она была, по советским меркам, полностью упакована – цветной телевизор, телефон, холодильник, причем не какой-нибудь там «ЗИЛ», а целый Rosenlew, финская же сантехника, с тем самым, легендарным для этого времени голубым унитазом, магнитофон, правда бобинный, а не кассетный, но хороший, и комплект французской посуды Luminarc. У нас в прошлой жизни такая же была. Мы ее прикупили то ли в конце девяностых, то ли в начале двухтысячных. Потому что понравилась и оказалась вполне доступ-

на по цене. Ну а здесь и сейчас она смотрелась просто пришлицей из другого мира... Естественно, что на мою любимую все это произвело неизгладимое впечатление. А она никогда не умела скрывать свои чувства. Вследствие чего почти все мои попытки поторговаться в прошлой жизни обычно заканчивались крахом...

– Сколько?

– Хозяин просит шестьдесят пять рублей в месяц, – с легкой усмешкой сообщил маклер. Он прекрасно понимал реакцию моей любимой.

– Много, – я покачал головой. Блин, это действительно было много. Во-первых, район довольно отдаленный. Конечная остановка метро. По нынешним меркам почти окраина... Во-вторых – это не совсем однушка. На самом деле это двушка, но одна комната забита хозяйскими вещами (а вот интересно, что же они такого ценного туда положили, учитывая всю эту недешевую бытовую технику и обстановку?) и закрыта на ключ. Так что сдают они ее как однушку, но квартплату, а также за отопление, воду и все остальное с нас будут брать именно как за двушку. И пусть это сейчас стоит не слишком дорого, ну по сравнению с будущими временами, но тоже ведь деньги! Маклер покосился на мою буквально окаменевшую любовь, а потом саркастически усмехнулся и развел руками.

– А давай, я доплачу тебе еще полтинник, а ты скинешь нам десяточку? – предложил я. Маклер задумался. Потом

вздохнул.

– Я должен поговорить с хозяином, – после чего вышел в прихожую, где на тумбочке был установлен предмет вождения многих и многих советских людей – телефон.

Нет, ходили слухи, что были какие-то города, в которых телефон можно было получить почти сразу же... то есть максимум в течение года. Во всех остальных городах и весях страны очередь на телефон составляла от трех до как бы даже и не пятнадцати лет. Ну, кроме партийных работников и сотрудников КГБ, которым телефоны ставились сразу. А вот уже всяким чиновникам от РОНО до Минздрава приходилось уже ждать несколько лет. Вся же остальная часть советских граждан могла ждать своей очереди десятилетиями. Причем даже те счастливчики, которым удалось разжиться собственной квартирой. Вернее, не даже, а именно они. Потому что на очередь для установки телефона сейчас можно встать, только имея собственное жилье! То есть телефон в нашей великой стране был куда менее доступен, чем жилище. А в этой квартире он имелся. Ну круть же!

– Ром, а мы-ы... – робко начала Аленка, но тут из коридора послышался громкий голос маклера:

– Предлагает шестьдесят!

Я усмехнулся и, сделав шаг, высунул голову в прихожую. Маклер напряженно смотрел на меня. Я покачал головой и ткнул в него пальцем, после чего потер друг о друга указательный и большой пальцы правой руки. Мол, при такой

скидке мне-то какая выгода будет? Маклер досадливо сморщился и снова приник к трубке. Я же распрямился и снова повернулся к любимой. Она смотрела на меня взглядом голодного щенка. Похоже, ей очень хотелось пожить в этой квартире...

Школу я окончил с золотой медалью. Впрочем, если честно, это была не совсем моя заслуга. Последний год я из-за, так сказать, загруженности по общественно-спортивной линии заметно сбавил в учебе. Но учителя продолжали все так же ставить мне отличные оценки. Уж не знаю, по старой памяти ли, либо им это кто-то аккуратно посоветовал. Ну или они сами решили, что лучше не идти на принцип и не проверять, как на это отреагирует вышестоящее руководство. В настоящее время люди очень хорошо умели, так сказать, держать нос по ветру, отлично разбираясь, что, когда и при ком можно говорить или делать. Не все, конечно – правдуробы случались и здесь. Вот только судьба у них была куда более печальная, чем при любом «капитализме»... Ну а экзамены у меня вообще приняли чисто формально. Потому что в тот момент я был занят активной подготовкой к VII летней Спартакиаде народов СССР. То есть за границу меня больше не выпускали, но «внутри», похоже, решили использовать по полной. А что: комсомолец, спортсмен, отличник – прям классический представитель советской молодежи! Подрастающая смена строителей коммунизма!

Подготовка у меня, кстати, строилась странно. Потому

что, несмотря на то что мне назначили тренера, он работал со мной в основном дистанционно. То есть он продолжал жить и работать в Москве, приезжая в наш городок максимум пару раз в неделю, я же тренировался дома. На местном стадионе. И по большей части без тренера. Как выяснилось, сейчас в марафонском беге тренеры исповедовали принципы айтишников моего времени: работает – не трогай. Вот меня и не трогали. Ну, почти... То есть у нас с тренером не было ни постановки какой-нибудь техники дыхания или работы ног, ни разбора возможных тактик бега, то есть ничего из того, чем я активно занимался на секциях что плавания, что гимнастики, что самбо с боксом. Здесь же я просто бегал. Ну а тренер появлялся в основном для того, чтобы зафиксировать мои очередные результаты... Впрочем, может, дело было в том, что для мира марафонского бега СССР я был, так сказать, приبلудным. Этаким «политическим назначенцем», чья карьера, по всем прикидкам, должна скоро напрочь закончиться. Поэтому на меня и не обращали особого внимания. Настолько, что даже согласились с моим категорическим отказом от любой химии...

На Спартакиаде я также побегал марафон. И неожиданно для себя пришел вторым. Причем вторым я, как выяснилось, оказался за один забег ажно в двух соревнованиях, одно из которых было международным. И второе место в международном я чуть ли не с кровью вырвал у японца Сигеру Со, обойдя его даже не на секунду, а буквально на полшага.

Что для марафона было почти невероятно... Победителем же обоих соревнований, слившихся в один забег, стал весьма именитый советский бегун Леонид Моисеев, который был более чем на десять лет старше меня. Но, если честно, я, вероятно, мог и выиграть. Потому что точно был способен еще прибавить. И даже хотел... Однако к финишу мы подбежали довольно плотной группой, и когда я попытался из нее вырваться – меня слегка притормозили. Причем, похоже, специально. Уж больно неудачно для меня пересеклась моя траектория с траекторией еще одного нашего бегуна, который бежал в этой же группе. А когда я его обошел, прибавлять оказалось уже поздно...

Но я особенно не расстроился. Потому что, как ни крути, со спортом высоких достижений я свою жизнь вот точно не связывал. И поэтому был готов в любой момент перестать этим заниматься и уйти в тень. Да даже и хотел бы! Но, увы, пока не удавалось. В первую очередь потому, что я, похоже, был все еще нужен той группе товарищей «наверху», которая зарабатывала на мне очки в неких аппаратных играх. И на мое мнение – хочу я этого или не хочу, им по большому счету было совершенно наплевать. Впрочем, с другой стороны, и плюшки мне от этого тоже перепали, пожалуй, даже поболее, чем у остальных наших профессиональных спортсменов-любителей. В конце концов, из-за этого у меня сейчас практически не было проблем с изданием моих книг...

Из дверей, ведущих в прихожую, высунулась голова ма-

клера.

– В общем так – хозяин согласен, но только если вы заплатите сразу за год!

Аленка радостно вспыхнула. Она знала, что деньги у меня есть...

– За год? – я скептически покачал головой. – М-м-м... сразу не сможем. Нет сейчас таких денег. Если только к Новому году смогу собрать...

Маклер снова нырнул в прихожую. А я чуть постоял, а потом, поймав мысль, высунул голову к нему в прихожую и предложил:

– Если он скинет еще пятерочку, то я смогу к Новому году собирать даже на два года, – и пояснил: – Где-то в конце ноября планирую заключить договор с «Лениздатом» на новую книжку. Так что к декабрю надеюсь получить аванс. И его как раз хватит.

Маклер окинул меня недоуменным и озадаченным взглядом. Похоже, несмотря на то что я «пришел» к нему от Якова Израилевича, он никак не предполагал, что этот сопляк может оказаться еще и писателем. Но потом в его взгляде зажглось узнавание, затем понимание, после чего он снова приткнулся к трубке...

Короче – мы договорились. Я вручил нашему удачливому переговорщику его заслуженные пятьдесят рублей, а также еще двести за следующие четыре месяца, которые оставались до Нового года, чтобы он передал их хозяину, ну и на-

писал расписку с обязательством в декабре выплатить оставшееся. И получил от него стопочку книжек с квитанциями на квартплату, электричество, телефон и так далее, а также комплект ключей. После чего он отчалил, оставив нас с Аленкой в квартире вдвоем.

Едва за ним захлопнулась дверь, как моя любовь с визгом бросилась мне на шею.

– Ура! Получилось!!! – после чего прильнула ко мне в поцелуе.

Я замер, с одной стороны, буквально расплывшись, а с другой – постаравшись отстраниться подальше. Я ж не железный... А нам пока нельзя. По двум причинам. Во-первых, мы пообещали. Оба. Аленкиным маме и папе. Иначе бы ее ко мне в Ленинград одну не отпустили... Ну, то есть ее и так не отпустили, потому что она приехала сюда вместе с братом. Причем они остановились у родственников в Сосновом Бору. А я пока жил в общежитии ЛГУ. Как и остальные абитуриенты. Несмотря на то, что все экзамены я уже сдал... Но было договорено, что после того, как я разберусь с жильем, брат должен будет уехать, а она – остаться со мной до конца августа. И вот ради этого я и пообещал, что мы с ней ни-ни и ни за что! А во-вторых, из-за того, что в старших классах школы существовало такое мероприятие, как медосмотр, одним из главных элементов которого был осмотр девочек гинекологом. Причем ни о какой конфиденциальности результатов этого осмотра и речи не шло... То есть я не исключая

того, что официально они должны были быть именно конфиденциальными, но на самом деле это было совсем не так.

Советское общество вообще весьма бесцеремонно влезало в личные отношения. Причем даже на официальном уровне. Профкомы, завкомы и парткомы регулярно рассматривали персональные дела своих членов на предмет соответствия их «моральному облику строителя коммунизма». И тех, кто не соответствовал, лишали премий, профсоюзных путевок, переносили отпуска с лета на зиму и так далее... В школе же это приводило к тому, что информация о том, что какая-то девочка уже, так сказать, «не девочка», мгновенно становилась известна всем. Причем руководство школы считало себя вправе не только рассмотреть вопрос отхода «отдельных учащихся» от, типа, общепринятых моральных норм на педсовете, но и даже вызвать по этому поводу в школу родителей. Дабы указать им на их упущения в воспитании. А то, как реагировали на подобную информацию сами «дети» – вообще отдельный номер. Стоило только по школе распространиться слухам, что какая-то девочка уже, того, «не девочка», то есть, соответственно, «дает», смешки, презрительные взгляды и обсуждения за спиной становились для нее меньшей из проблем. Впрочем, некоторые этим даже бравировали. Но моя Аленка точно была не из таких...

– Может, пойдем погуляем? – предложил я, с трудом оторвавшись от любимой. Она с сожалением вздохнула и кивнула:

– Пойдем...

На факультет иностранных языков я поступил, считай, влет. Ну да с таким-то багажом... И дело было не только в поддержке сверху. Хотя и она, конечно, оказалась совсем не лишней. Но и без нее багаж у меня оказался вполне хорошим. Во-первых – спартакиадовская медаль. Во-вторых, после победы на Спартакиаде я получил-таки звание мастера спорта. Причем, как бы смешно это ни звучало, в той дисциплине, которой я никогда, так сказать, «официально» не занимался – в легкой атлетике. Спортсмены же при поступлении в любой вуз всегда и везде пользовались немалыми привилегиями. Даже в США, скажем, капитан школьной футбольной команды мог рассчитывать на заметное снисхождение при поступлении, а уж у нас из-за того, что вузам было предписано вести активную общественную работу, которая заключалась в том числе и в выставлении команды на всевозможные межвузовские, городские и даже республиканские спартакиады, с этим было еще проще. В-третьих – мои книги и членство в Союзе писателей. Ну да, меня приняли. И, как и обещал Яков Израилевич, именно в Ленинградское отделение. Так что в число моих документов, которые я подал в приемную комиссию, вошло еще и письмо за подписью Первого секретаря Ленинградского отделения Союза писателей Анатолия Николаевича Чепурова. Мы с ним познакомились как раз во время моего приема, и общался он со мной вполне благожелательно. Впрочем, скорее всего, он тоже рассматри-

вал меня как некую «забавную зверушку», которую надо потерпеть, поскольку через нее, возможно, получится поймать какие-нибудь преференции «сверху». Ну или отвести либо купировать возможные неприятности. Были на это кое-какие намеки во время нашего общения... С таким набором «регалий» поступление становилось если не простой формальностью, то где-то близко. А я ведь еще и экзамены сдал на пятерки. Ну, те, которые мне нужно было сдавать. Я ж был золотым медалистом – а нам экзамены урезали наполовину, оставив только устные. Ну то есть наполовину это тем, кто поступал в наш универ и другие такие же самые знаменитые вузы СССР типа Бауманки, МИФИ или МГУ. В остальные, то есть подавляющее большинство вузов СССР, как мне помнилось, золотые медалисты вообще принимались без экзаменов... Впрочем, мои пятерки на экзаменах были не совсем честными. Потому что я не сдавал экзамены вместе со всеми и в соответствии со строгими правилами. Ответственный секретарь приемной комиссии, пролистав мои документы, просто встала и буквально за ручку привела меня в пару кабинетов, где мне, без всяких билетов, задали несколько вопросов, после чего сказали:

– Ладно, давай экзаменационный лист... – Впрочем, возможно, дело было не в документах, а в каком-нибудь предварительном «звонке сверху». Телефонное право в СССР в настоящий момент всюю цвело и пахло. Слава богу, ко мне оно повернулось своим «ласковым» боком... Впрочем, точ-

но я этого не знал. Да и не особо интересовался. Поступил – и ладно.

Так что в настоящий момент я, можно сказать, уже являлся студентом первого курса факультета иностранных языков Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени университета имени А. А. Жданова... Ну или должен был вот-вот им стать. Хрен его знает, когда у них там выйдет приказ о зачислении.

– Здесь погуляем или в центр поедем? – спросил я, когда мы вышли на улицу. – Можем и к Неве сходить.

От этого дома до Невы было метров семьсот. Ну то есть если считать до Володарского моста и идущего вдоль реки проспекта Обуховской Обороны. Напрямую-то куда ближе. Но напрямую пришлось бы ломиться через кусты и газон.

– А давай ты мне покажешь, где мы будем учиться! – с энтузиазмом предложила Аленка. Ну да, через два года, когда моя любовь окончит школу – она должна была поступать сюда же. Более того, по моим расчетам, заканчивать ЛГУ мы с ней должны были в одной группе и в один год. Потому что те два года, на которые я ее сейчас обгоняю, у меня заберет армия. Я усмехнулся.

– Ну поехали...

До «Ломоносовской» мы дошли минут за семь. Она пока являлась конечной станцией Невско-Василеостровской линии, но работы по ее продолжению уже шли. Ну а ближайшая к месту нашей будущей учебы станция метро «Василе-

островская» располагалась на нашей же линии, так что переходить нам никуда было не надо. Более того, на этой же линии располагался и Московский вокзал. Что было весьма удобно с, так сказать, логистической точки зрения... А от «Василеостровской» до нашего факультета мы добрались вообще меньше чем за пять минут.

– Это университет? – несколько удивленно спросила Аленка. – Какой-то маленький. Вот Московский, ну который на Ленинских горах...

– Ну, ЛГУ вообще меньше МГУ, – с улыбкой пояснил я. – Но это не весь университет, а всего лишь факультет иностранных языков. Главное здание Ленинградского университета – это здание Двенадцати коллегий. Помнишь, что это такое?

Аленка на мгновение замерла, наморщив лоб, а затем осторожно кивнула.

– Это-о-о... вроде Петр I что-то такое учредил.

– Точно! – Моя любимая всегда отлично помнила адреса, телефоны, пароли, дни рождения родственников и знакомых, имена актеров и актрис и их наиболее известные роли, а также массу другой важной и нужной информации, но вот с историческими фактами у нее регулярно случались затыки... А вот со мной все было наоборот. Я мог напрочь забыть день рождения тещи или кого из друзей семьи, но то, что, скажем, Нойшванштайн построил король Баварии Людвиг II, который все детство и юность провел в расположен-

ном рядом, но чуть пониже, на берегу озера Альпзее замке Хоеншвангау – я помнил наизусть. Несмотря на всю зубодробительность этих названий для русского уха...

– Он здесь недалеко, километра полтора идти – на Университетской набережной.

– А это какая улица?

– Шестая линия Васильевского острова.

– М-гум, – моя любовь глубокомысленно кивнула. – А экзамены ты здесь сдавал?..

Ну а вечером мы вернулись в уже «нашу» квартиру. Аленка еще раз обошла ее, пооткрывала все краны, форточки, дверцы шкафов, шкафчиков и тумб, а потом подошла ко мне и спросила:

– Ром, а вот интересно – откуда вот это все?

– Что все?

– Ну холодильник импортный, посуда...

Ну да, по советским меркам квартира выглядела суперкруто. В это время даже советскую приличную посуду было достать очень непросто – в магазинах по большей части стояло что-то совсем уж общепитовское, вследствие чего лучшим подарком на свадьбу считался столовый или чайный сервиз... а тут такое иностранное роскошество! Я пожал плечами.

– Не знаю. Возможно, хозяин квартиры – моряк дальнего плавания. Или работает в каком-нибудь нашем посольстве за рубежом.

– Послом? – моя любимая удивленно округлила глаза.

– Не думаю, – рассмеялся я, – скорее поваром или завхозом. Для посла и площади маловаты, и ремонтник слабоват... А мы будем сегодня что-нибудь ужинать?

– Ой! – Аленка всплеснула руками и, развернувшись, ринулась на кухню, на ходу, как солдат по тревоге, одним движением накинув на себя нарядный синий передничек, скорее всего так же привезенный хозяином откуда-нибудь «оттуда». В нашем отечестве таких нарядных я не встречал. Если только кто сам шил...

Следующие две недели пролетели как молния. Мы гуляли по Питеру, сидели в кафешках, катались по каналам и Фонтанке на экскурсионных катерках, съездили на «Метеоре» в Петергоф и на электричках в Гатчину и Пушкин. А также посетили всех родственников как с моей, так и с ее стороны. И я впервые так щедро тратил свои гонорары на всякую мелочь, за эти две недели ухнув на билеты, посиделки в кафе и сувениры почти двести рублей. Притом что средняя зарплата в стране не дотягивала и до ста двадцати.

А потом наступила пятница, двадцать четвертое августа, вечером которого мы с ней сели в купейный вагон «Красной стрелы» и отправились домой. Мне нужно было забрать кое-какие вещи, да и повидаться с родными перед началом учебы было не лишним, а Аленке... ее ждал девятый класс.

Вот так и прошло мое лето – в экзаменах, соревнованиях и странном целомудренном сожительстве с восьмиклассни-

цей))).

Дома все было хорошо. Родители уже переехали обратно в мою комнату, так что на этот раз размещаться в гостиной пришлось уже мне. Сестра готовилась к школе и расстраивалась, что на ее первом в жизни первом сентября не будет меня. Она меня очень любила. Но, с другой стороны, ее уже начали потихоньку доставать примером старшего брата – красавца и умницы... о чем она мне грустно поведала. Ну а я рассмеялся, потрепал ее по волосам и пообещал вечером рассказать ей на ночь сказку.

– А ты с Аленкой сегодня гулять не пойдешь? – вскинулась она.

– Сегодня – нет, – заявил я. Вечер приезда мы решили полностью провести в семьях. Общением друг с другом за две последние недели мы немного насытились. Хотя и я, и она точно знали, что стоит мне сесть на поезд, как мы тут же начнем отчаянно скучать друг по другу...

Первое сентября в этом году выпало на субботу. Так что из дома я выехал в четверг, тридцатого августа. Утром. Потому что за предыдущие два дня созвонился со всеми своими знакомыми в Москве и договорился с ними встретиться, сообщив, что хочу им подарить свою новую книжку. До того было совсем некогда, сплошные наряды – экзамены, соревнования, поступление, Аленка... Так что из города я выехал нагруженный как ишак. Ну дык только семье уже, увы, покойного маршала Бабаджаняна я вез целых четыре книж-

ки – одну Аргунье Аршаковне и три всем трем ее внукам, которые подросли и стали настоящими красавицами. После смерти Амазаспа Хачатуровича отношения у нас как-то потихоньку наладились и потеплели. А ведь еще были Лора Саркисовна, замдиректора «Молодой гвардии», Пастухов и около десятка разных других знакомых, которым я реально был благодарен за участие в моей судьбе. Так что вес книг, которые я волок, был чуть ли не в два раза больше, чем вес всех остальных моих вещей, которые я взял с собой в Питер...

С Борисом Николаевичем мы пообщались довольно хорошо. Он отодвинул свои дела и велел секретарше сделать нам чаю с баранками, поблагодарил за книгу, уважительно покрутил в руках мои серебряные медали, но по некоторым признакам я почувствовал, что я для него уже, типа, потихоньку становлюсь посторонним. Отработанным материалом... Нет, чувствовалось, что он хороший человек и поэтому вряд ли вот так возьмет и разорвет наше общение, как-то исчезнет, перестанет отвечать на звонки и со мной знать-ся. Более того, не исключено, что он и дальше будет не против как-то мне помочь. Ну если это будет не очень обременительно. Сделать короткий звонок. Подписать письмо. Либо еще что-то этакое, не слишком напряжное и не делающее его по-серьезному обязанным кому-то в тех кругах, в которых он вращался. Но не более... Увы, наши интересы уже разошлись, и чем дальше, тем этот разрыв будет становиться

все больше и больше. Ну да и хрен с ним! Я и так получил от нашего общения чуть ли не на порядок больше, чем рассчитывал. Шутка ли — я только окончил школу, а уже имею в активе три изданные книги, членство в Союзе писателей и звание мастера спорта. И пусть я вроде как все это сделал сам, то есть мои книги никто за меня не писал и марафонские дистанции не бегал — без поддержки я бы точно не добился ничего подобного. Ибо какие бы у тебя ни были собственные таланты и способности, в СССР здесь и сейчас все решал такой ресурс, как блат. Без него было никуда. Совсем. Мы в будущем даже и слово такое забыли почти, а здесь оно было на устах у всех. Блат был нужен на всех уровнях — от ЖЭКа, поликлиники и мебельного магазина и до горисполкома с райкомом партии... И Борис Николаевич мне его обеспечил. То есть не только он, конечно — и Амазасп Хачатурович мне много помог, да и не он один, но во многом именно благодаря Пастухову мои таланты были замечены, оценены и мне было дозволено использовать их почти без ограничений на благо советской страны, социалистического образа жизни ии-и-и... группы руководящих товарищей, которым мои успехи и достижения как-то помогли упрочить свое положение во властных структурах. Надеюсь, достаточно серьезно для того, чтобы они меня не забыли напрочь уже завтра...

Первого сентября занятий на факультете не было. Зато была торжественная часть. Сначала всех первокурсников собирали перед главным зданием университета, после чего со-

стоялся митинг, который открыл сам ректор. Кроме него выступило еще несколько человек, среди которых оказался и наш декан, и какой-то тип из Смольного.

Наша группа оказалась по большей части девчачьей – из шестнадцати человек девушек было одиннадцать. И я сильно порадовался тому, что, в отличие от остальных, не стал сегодня наряжаться по полной, упаковавшись в «официалку» – белую рубашку с галстуком и темно-серую пару фабрики «Большевичка». Так что подавляющее большинство оценивающих девичьих взглядов скользило по мне достаточно равнодушно. А вот парочку других парней – высокого блондина весьма «нордической» внешности, упакованного в фирменный джинсовый костюм от старины Страуса и кроссовки Puma, и отчаянно рыжего типа, одетого еще ярче – в цветастую «битловскую» рубашку с вызывающе оранжевым галстуком, кожаный пиджак и все те же неизменные джинсы, явно оценили куда выше. Вот и хорошо. Меня любимая дома ждет. Если же меня начнут атаковать, то хрен я с той гормональной бурей, которая бушует в моих венах, смогу в подобном окружении удержаться.

– Мальчик, а ты откуда?

Я обернулся. За моей спиной стояли две невысокие девчушки-подружки, вроде как из моей группы. Одна постройней, вторая... пофигуристей. Ну нет в этом возрасте полных или некрасивых, нет! Все девочки в семнадцать лет желанны и привлекательны, все, без исключения! Что бы они там о

себе ни думали...

– Я? Из Подмосковья.

– Оу! А чего в Москву не стал поступать?

– Ну-у-у... так получилось.

Девчонки переглянулись. Потом та, что постройней, улыбнулась и, сделав хитренькие глаза, сообщила:

– Мы тут решили всей группой сразу после того, как отпустят, в кафешку сходить. Ну, познакомиться получше. Сбрасываемся по рублю. Ты как, с нами?

– По рублю? – Я картинно задумался. Мне же надо создавать отрицательный имидж – ботана там, заучки, нищеты подзаборной... ну чтобы не особенно цеплялись. А то я ж в таком цветнике не выживу... Но и не врать при этом. Ну или хотя бы свести вранье к минимуму. И сам не люблю, и чревато запутаться. Так что так, намеками – чтобы все остальное сами напридумывали.

– Хорошо! – Я решительно махнул рукой и полез в карман за деньгами. Они у меня специально были сложены рулончиком и перетянуты резинкой от бигудей. Причем состоял этот маленький рулончик исключительно из рублей и трешек... Девчонки понимающе переглянулись и начали смотреть на меня покровительственно. Им все было ясно – типичная деревенщина из какого-то Зажопинска (недаром город не назвал), поступивший в универ только за счет свинцовой задницы и собиравшийся продолжать и здесь делать то же самое. Неперспективен ни с какой стороны! То есть ни в каче-

стве мужа, ни просто позажигать, пока учимся...

В кафешке я продолжал играть все ту же деревенщину, сев в стороне и почти не вступая в разговоры. Зато блондин с рыжим тут просто царили. Они сорили деньгами, заказав каждый по пузырью шампанского, а потом и еще по бутылке вина для наших дам, активно обсуждали зарубежные музыкальные группы, громогласно объявляя одних гениями, а вторых – полным отстоем. А когда я, улучив момент и внутренне хохоча про себя, влез и сказал, что мне тоже нравится современная музыка, например, «Песняры» или Муслим Салгомаев, оба замолчали и уставились на меня с таким презрением во взглядах, что мне даже пришлось отвернуться, чтобы не заржать уже в голос... Ну а самым пиком был момент, когда начали обсуждать предстоящую поездку в колхоз.

Ну да, уже с понедельника весь первый курс отправлялся на месяц помогать колхозникам убирать выращенный урожай. Ну или наоборот, как едко пошутили в одном из фильмов, повесив в кадре плакат: «Товарищи колхозники – поможем студентам убрать урожай»». Увы, эта была неизбывная действительность СССР. Там, в покинутом мною будущем, я не раз читал возмущенные посты некоторых деятелей, насчет того, сколько сотен тысяч комбайнов, тракторов, картофелекопалок или сеноуборочных машин выпускалось ежегодно в СССР. И какими убогими цифрами может похвастаться нынешняя Россия. Так вот, выпускаться-то они

выпускались, но со жратвой в стране при этом была большая проблема. Такая, что по осени на ее заготовку выходил чуть ли не весь советский народ. Даже анекдот такой был: «Для решения какой комплексной проблемы в СССР создавалась группа из следующих специалистов: математик, физик, биолог, инженер, врач, архитектор, экономист, юрист, философ? Для уборки картофеля в колхозе...» В битву за урожай вступали все. Армия создавала целые автоколонны и отправляла на помощь колхозам и совхозам десятки сводных батальонов. В колхоз ехали профессора и ученые, рабочие и работники культуры, повара и парикмахеры. Разнарядка спускалась на все уровни...

Как бы там ни было, абсурд ситуации с самым передовым в мире советским сельским хозяйством, в которое вбухивались и огромные средства, и гигантские ресурсы, был очевиден всем. Просто более взрослые принимали это как неизбежность, а вот собравшиеся за нашим столиком новоиспеченные ленинградские студенты были преисполнены возмущения. Рыжий так просто вибрировал. Блондинчик презрительно цедил фразы. Я же... ну сами посудите – как я мог упустить такой момент? Так что, в очередной раз улучив, когда в обсуждении возникла пауза, я с мечтательным вздохом произнес:

– Эх, кабы на капусту отправили – то хорошо б было. Капуста легко берется. Топориком чок – и все. И пожрать ее сразу можно. А картоху копать – замаемся... – после чего за

столиком установилась ошеломленная тишина. Но я на это не отреагировал, устремив взгляд вдаль. Типа мечтал о капусте...

– Кхм, девочки, я думаю нам пора уже заканчивать сегодняшние посиделки, – спустя где-то полминуты прервал установившуюся тишину рыжий, после чего несколько картинно бросил: – Если кому в сторону Кировского – могу подвезти. Я на машине...

Глава 2

– Марков... Марков! МАРКОВ!

Я вздрогнул и резко развернулся. Отчего Танька Бирницкая, наша староста группы, налетела на меня, очень чувственно впечатавшись в мою грудь своими весьма впечатляющими сиськами. Это было... возбуждающе. Так что я даже слегка отодвинулся. С ноября, когда ко мне на школьные каникулы приезжала моя любовь, прошло уже больше месяца, так что я уже давно снова был на взводе...

Ну да, мы с Аленкой того... нашли возможность, так сказать, помочь друг другу. Без нарушения слова, данного ее родителям. То есть она до сих пор по гинекологическим признакам все еще оставалась девушкой. А друг другу – потому что она у меня всегда была очень заводной. Взрывной, прямо скажем! Так что ей точно было не менее, а как бы не более сложно, чем мне.

Моя маска «тупой деревенщины из Зажопинска» продержалась всего два месяца. Хотя к моменту ее окончательного раскрытия то, что я «леплю горбатого», подозревало уже больше половины группы. И только «рыжий» с «блондинчиком», вокруг которых скучковалось еще человек шесть – пара прихлебал из парней и четыре девочки из породы активных охотниц за «жирными» женихами, продолжали отпускать в мою сторону разные тупые шутки. На которые

я «поддавался». Правда, зачастую так, что окружающие ржали больше с них, а не с меня... Но самый шок для «блондинчика», оказавшегося сыном какой-то важной тетки из райпотребсоюза Кировского района, произошел, когда Линка Полубоярова, которая, по общему мнению, была первой претенденткой на титул королевы красоты нашего курса, а то и всего факультета в целом, во время одной из спонтанных вечеринок, отказав ему, во время белого танца взяла и пригласила меня. Увы, Линка оказалась не только красавицей, но и умницей. Так что раскусила она меня одной из первых. Да и немудрено было. Я же не столько скрывался, сколько стебался...

Как бы там ни было – этот ее поступок принес мне целую кучу проблем. Нет, не с Линкой. Когда я мягко, но решительно отказался от чести стать ее рыцарем, сообщив ей, что у меня уже есть невеста, она слегка обиделась. Все-таки она действительно была яркой красоткой и совершенно не привыкла к отказам. Так что следующий месяц она меня демонстративно игнорировала. Но сам факт того, что на меня обратила внимание подобная красавица, послужил спусковым крючком интереса ко мне со стороны остальных девчонок, которые принялись и, так сказать, вертеть передо мной хвостами, и копать, пытаясь разузнать, кто я такой на самом деле. Причем чем больше я старался держать дистанцию, тем сильнее со стороны прекрасной половины питерского студенчества просыпался охотничий интерес. А уж когда кто-

то, похоже через какие-то родственные связи, сумел одним глазком заглянуть в мое личное дело и обнаружить там, что я золотой медалист, то есть точно не «тупая деревенщина», а также серебряный призер Спартакиады народов СССР – этот интерес взлетел до небес. Так что теперь вы можете себе представить, как он повисился после того, как выяснилось, что я еще и писатель...

Короче, к моменту приезда Аленки я был уже на грани. Потому что гормоны никуда не делись. А дров поблизости не наблюдалось. Хотя я и пытался изнурять организм всеми возможными способами. Ну кроме пьянок. Потому что выпей я хоть чуть-чуть в той компании, которая буквально на мне висела – и-и-и... кто его знает, чем бы... кхм... да хрен там – я ТОЧНО знаю, чем бы это закончилось. И, скорее всего, даже не с одной. Зато физнагрузки у меня были – мама не горюй! Я каждый день пробегал по десять километров минимум, а по выходным доходило и до двадцати пяти.

Так что буквально в первый же вечер по приезде я побыстрому провел ликбез с моей любимой, после чего... Так, без деталей! Это наше личное дело, которое никого больше не касается... Короче, нам было хорошо. И это «хорошо» было все остальные дни до ее отъезда. А также почти две недели после него. Во всяком случае в эти две недели все попытки меня соблазнить я отбивал легко и с шутками. А вот потом гормоны опять начали брать свое. И кружившие вокруг меня «охотницы» это заметили. Вот и Бирницкая, сволочь

такая... явно же не просто так влетела в меня своей грудью. А еще староста, блин!

– Ну чего еще?

– Тебя в деканат вызывают! – этак призывно-злорадно хлопая глазками с модными густо-синими тенями на веках, сообщила мне Танька. После чего снова прижалась грудью к моей руке.

– В смысле?

– А я знаю? Мне из секретариата сообщили, что срочно хотят тебя видеть. Я тебя уже полчаса по всему факультету ищу!

– Так я лабу сдавал! – сообщил я, мягко, но решительно освобождая руку из весьма м-м-м... приятного плена. Но чур меня, чур... Танька фыркнула и махнула рукой.

– Короче давай – лети мухой!

Пока поднимался по лестнице в деканат, поглядывал в окно. Стылая и дождливая ленинградская зима два дня назад наконец-то сменилась настоящей русской. Ну не совсем – влажность в воздухе чувствовалась, но зато выпал снежок, укрыв все нарядным белым покрывалом. И хорошо! А то до Нового года всего три дня осталось. Ну а до приезда моей Аленки вообще один. Даже меньше! Сегодня вечером ее брат должен посадить мою любовь в поезд, а завтра утром я встречу ее на Московском вокзале.

В приемной декана его секретарша окинула меня крайне любопытным взглядом, после чего кивнула подбородком в

сторону мощных двустворчатых дверей кабинета.

– Проходите!

– Разрешите? – Я замер. Поскольку декан был не один. Рядом с ним за большим столом для совещаний сидело еще трое каких-то мужиков. Причем сам декан сидел именно с ними, а не на своем месте – в кресле за большим двухтумбовым столом.

– О, Роман! – Он вскочил на ноги и с радушной улыбкой двинулся ко мне. Я слегка напрягся. Потому как хоть он действительно меня знал, столь уж близкими и теплыми наши с ним отношения точно не были. Ну вот сто процентов!

– Проходи! Вот, знакомься, товарищи специально подъехали с тобой пообщаться.

И вот тут мне реально поплохело...

Всю последнюю неделю я находился в некотором напряжении. Потому что двадцать пятого декабря наши войска так и не вошли в Афганистан. Ну или об этом пока просто не было объявлено. Хотя это было бы странно. А сегодня уже двадцать восьмое – и до сих пор никаких следов... Ну, не то чтобы совсем. Проскальзывает в новостях об «оказании всемерной помощи народу Афганистана», но вот о том, что эта помощь военная – никакой информации. Это что же – у меня получилось?! Был бы рад... До сего момента. А вот появление этой «делегации» в кабинете декана нашего факультета сильно напрягло. Неужели меня вычислили?!!

Я сглотнул и попытался взять себя в руки. Нет, не могли

они меня вычислить – ну точно нет же! Если бы вычислили – пришли бы раньше. Да и вряд ли меня в этом случае стали бы...

– Добрый день, Роман, вам привет от Бориса Николаевича! – поднялся из-за стола один из гостей – достаточно молодой и такой... улыбчивый мужик. – Я – Голованов Василий. Секретарь Ленинградского областного комитета ВЛКСМ по...

Я медленно выдохнул. Точно не вычислили! Потому что на хрен бы тогда кагэбэшникам нужен был бы «комсомолец»? Так что причина для вызова другая. Поэтому нужно быстренько успокоиться и выслушать товарищей... Уф, как сердце-то колотится. Едва из груди не выскакивает... так – успокоиться, я сказал!

– М-м-м... спасибо большое. Ему тоже большой привет, – я несколько деревянно дошел до стола и, повинуясь жесту еще одного из гостей – прилизанного мужика вполне среднестатистически-чиновничего вида, присел на стул. – Всем добрый день.

Объяснение того, что от меня хотят, заняло не очень много времени. И повергло в полное недоумение.

– Эм-м-м... а я-то тут при чем? – обалдело поинтересовался я после того, как мне изложили вопрос.

– Ну как же? – вскинулся тот самый «прилизанный», который, похоже, был главным из этой тройки. – Во-первых, вы уже участвовали в подобном мероприятии. В Кошице...

– Ага, после чего меня даже на презентацию моей книги, которая вышла в Чехословакии, не пустили, – несколько сварливо отозвался я.

Главный слегка нахмурился:

– Этот вопрос мы решим...

– Да не в этом дело, – отмахнулся я. – Кто я такой-то? Я же никто. Не именитый спортсмен, не какая-нибудь известная личность – обычный студент. Зачем я вам там?

– Неправильная позиция, – наставительно вскинув палец, произнес главный. – Вы – представитель молодого поколения советских людей, строителей коммунизма. Комсомолец! Общественный активист! Вы же были инициатором Забега Победы. Ну вот... Опять же – отличник! Школу окончили с золотой медалью... К тому же почему это вы не спортсмен? Во-первых, вы выиграли марафон в том же Кошице. Во-вторых, ваша серебряная медаль на Спартакиаде.

– Две! – влез третий. Он, похоже, представлял спорткомитет. А главный продолжил идеологическую накачку:

– Сейчас в мире складывается очень непростая...

Короче, как выяснилось, в Афганистан мы все-таки влезли. Но, типа, совсем не так, как в прошлой истории. Уж не знаю, мое ли письмо послужило причиной или какие-то внутренние процессы сработали как-то слегка не так, как в моей прошлой реальности, но на этот раз, вместо того чтобы ввести в страну сороковую армию, СССР ввел туда части спецназа и воздушно-десантных войск. В очень ограничен-

ном количестве... Насколько ограниченном, мне, естественно, никто не сказал, но уж точно не восемьдесят и даже не сорок тысяч человек. Намного меньше! Но и этого оказалось достаточно для того, чтобы США начали поднимать бучу по всему миру. Ну и разговоры о бойкоте Олимпиады также начались. Вследствие чего в «верхах» озаботились планами противодействия этому. И вот, в одну из тех самых голов, которые эти планы и разрабатывали, пришла идея наряду со всем прочим отправить советских спортсменов поучаствовать в различных любительских и полупрофессиональных соревнованиях по всему миру. Именно любительских! То есть не включенных в официальные календари спортивных ассоциаций, а то и вообще проводящихся по тем видам спорта, которые были не включены в олимпийский перечень. Ну, типа, тех же триатлона (если, конечно, он уже был) или любительских марафонов... Причем туда было решено отправить не ключевых спортсменов, которые были сейчас загружены подготовкой к Олимпиаде, а не включенных в предолимпийский тренировочный цикл. Ну чтобы не сбивать с панталыку «костяк» советского спорта и не отвлекать его от подготовки к Олимпиаде... И вот по этим показателям я в данный пул спортсменов подходил практически идеально! Причем меня, как выяснилось, собирались отправить «представлять страну» на Парижский международный марафон, который должен состояться в апреле.

Я задумался. В принципе, мне этот марафон на хрен не

сдался. Нет, побывать в Париже и посмотреть, как он выглядит сейчас, пока в нем еще не было толп мигрантов и гор мусора на Монмартре, было бы неплохо... Но я точно знал, что чуть позже на все это точно налюбуюсь. Причем в том составе и столько по времени, сколько захочу сам. Так что, в отличие от большинства сегодняшних советских людей, способных руку отдать за самую возможность хоть одним глазком глянуть на эту самую сказочную «заграницу», меня подобная возможность манила не сильно. Тем более что и особенно прибахлиться не получится. Судя по опыту с Чехословакией, денег мне поменяют минимум, плюс приставят «дядьку» и, вот сто процентов, Аленку со мной тоже точно не отпустят...

– Мм-м-м... а почему именно я?

– Вы что – хотите отказаться от чести представлять нашу страну за рубежом? – строго спросил меня «прилизанный».

– Ну да! – ответил я ему на голубом глазу. Все, кто собрался в этом кабинете, уставились на меня как на полного идиота. Ну вот как можно такое ляпнуть? Да, даже если ты действительно не хочешь – так все равно нельзя говорить! Ибо чревато! Настоящий советский человек при подобном предложении должен гордо вскинуть голову и, вцепившись в древко, высоко вознести знамя Страны Советов... Но это еще ладно. Это так – идеология. Если же считать по-нормальному – тебе ж, дурику, предлагают поездку не просто куда-то за границу, например в ту же Монголию или, там,

Эфиопию с Йеменом, во что люди так же вцепляются руками и ногами, потому что это как минимум чеки и доступ к «Березке», а в сам ПАРИЖ! А ты, придурок, еще кочевряжишься... Ну а я – ну это самое слово, продолжил:

– Понимаете, у меня сейчас дел – до фига! Поэтому со временем просто швах! Во-первых – учеба. Я ж пока на первом курсе.

– С этим не волнуйся, – тут же поспешно вступил декан. – Все зачеты и экзамены...

– Да не в этом дело, – небрежно отмахнулся я. – Мне в первую очередь знания нужны, а не отметки! Но и это не все. Мою новую книжку не приняли в печать, насыпав вот такой ворох замечаний, – тут я руками показал какой. – И я ее сейчас активно переделываю. Плюс перерабатываю две предыдущие... Я вот хочу предложить их в серию «Библиотека приключений и фантастики». А это очень непросто! Там такие имена печатаются... Так что работы – море! Вследствие чего у меня сейчас вообще нет времени на серьезные тренировки. А вам же надо, чтобы я оказался где-то наверху. Лучше всего в первой тройке. Ну чтобы мне начали в нос микрофон совать...

– Это было бы хорошо, – снова влез третий.

– Ну вот и я о чем... То есть в случае моего согласия мне, чтобы не стать балаболом, нужно будет отодвинуть все свои дела и сосредоточиться на подготовке. Да и то не факт, что у меня получится. Я ж ведь не спортсмен. И связывать

свою жизнь со спортом не собираюсь. В Кошице мне просто повезло. Ну сложилось так... Но не факт, что так же повезет и в Париже, — я озабоченно покачал головой. — К тому же, если честно, вот не хочется мне мотаться по заграницам. Мне и в моей стране хорошо! Так что пошлите кого-нибудь другого. Я думаю, очень многие захотят, — я замолчал, а все присутствующие обменялись взглядами, в которых явственно читалось: «Ну вот как можно говорить о чем-о серьезном с подобным идиотом!» В кабинете на некоторое время повисла слегка озадаченная тишина, а затем в разговор вступил «комсомолец», который передавал мне привет от Пастухова:

— Роман, с учебой нам все понятно. Но ты же талантливый парень! Школу окончил с золотой медалью! Так что даже если где и отстанешь — так быстро нагонишь! А если и не сразу, так на твоих оценках это точно не отразится...

После этих его слов декан энергично закивал.

— Вот видишь... — заметно воодушевившись, продолжил комсомольский функционер. — Так что этот вопрос, можно считать, снят. С изданием твоих книжек мы тебе также поможем. Так что ты насчет этого не волнуйся. Где там ты хочешь, чтобы их напечатали? В серии «Библиотека приключений и фантастики»? Не волнуйся — напечатают. Так ведь, товарищи?

На этот раз энергично закивал главный. Я же, внутри, радостно оскалился. Дело в том, что после того, как моя поддержка, так сказать, «на высшем уровне» слегка ослабла (ну

или не слегка), у меня начались проблемы с «Лениздатом». Серьезные или нет — я пока не понял. Но, как бы там ни было, мою следующую книжку, являвшуюся продолжением двух предыдущих и окончанием всего цикла, взяли и завернули. Формально претензии состояли в том, что сюжет был недостаточно проработан, герои прописаны не слишком хорошо, да и сам стиль изложения легковесен и обладает явными признаками подражания западной массовой литературе... В этом была своя правда, особенно в последнем заявлении. Нет, я старался писать так, как принято в этом времени, но руку, «набитую» сотней с лишним романов, нет-нет да и заносило, так сказать, на старую траекторию. В будущем же был популярен динамичный стиль, который здесь и сейчас как раз таки считался легковесным и присущим западной масскультуре... Но дело в том, что подобные претензии можно предъявить к любой моей предыдущей книжке. В том числе и к тем, что были уже опубликованы «Лениздатом». Однако они все согласования прошли просто влет! И продались, кстати, также. Так что дело, скорее всего, было не в невысоких художественных достоинствах моего текста, а в том, что до руководства издательства уже дошел слух, будто я более не являюсь «забавной зверушкой» кого-то там наверху, и оно приняло решение поставить меня на место. А то ишь разошелся — по книге в год выпускает! Да даже заслуженные «мэтры» и то могут рассчитывать на одну в три-четыре года, а уж кто помельче, очередной публикации ждут

едва ли не десятилетия, перебиваясь редкими гонорарами за всякую побочку...

Как бы там ни было, мне пообещали помощь в издании моего нового и двух предыдущих романов в знаменитой «рамке». Тем более что по формальным параметрам я к ней вполне подходил – пишу фантастику, автор нескольких опубликованных книг, издавался за границей... То есть, конечно, на грани, но подходил! А в этой серии выходили такие корифеи приключенческой и фантастической литературы, как Жюль Верн, братья Стругацкие, Дюма, Ефремов, Фенимор Купер, Вальтер Скотт, Казанцев, Обручев, Стивенсон. То есть, напечатавшись в этой серии, я одним махом попадал в очень хорошую и весьма солидную компанию! Хотя сам я отлично понимал, что по реальному уровню до них ну вот никак не дотягиваю. Но ведь кроме «корифеев» там выходили и куда менее талантливые «творцы», явно попавшие в серию по знакомству или блату. А уж сколько таковых появилось, когда схожие по оформлению серии начали выпускать разные издательства в девяностых и начале двухтысячных... Так что ничего – потерпят. К тому же поскольку эта серия выходила в «Детгизе», то есть, вернее, сейчас это называлось «издательство «Детская литература», то и тиражи у нее были о-о-очень впечатляющие. Куда там той же «Молодой гвардии» с «Лениздатом»... Нет, больше денег мне это не принесет, поскольку сейчас основные деньги платят за объем, а не как в будущем – роялти с тиража, но мне точно

будет приятно.

– Понимаешь, – продолжил между тем «комсомолец», – нам действительно очень нужно, чтобы поехал именно ты. И именно в Париж. Дело в том, что французы еще со времен войны не очень хорошо настроены по отношению к немцам. До сих пор их недолюбливают... А твой ответ корреспонденту немецкого телеканала на Кошицком марафоне был растиражирован по всей Германии через частные немецкие телестанции, а затем через Эльзас и Лотарингию, где велика доля немецкоговорящих граждан, попал и на французское телевидение. Причем его показали в новостях на TF 1. Где, судя по опросам и опубликованным письмам, он очень понравился французам. Так что шанс на то, что, если на Парижском марафоне побежишь ты, к тебе, как представителю СССР, обязательно подойдут корреспонденты, причем много и разные – очень высокий. А вот если кто-то другой – не очень. Нет, кто-то точно подойдет, но гораздо меньше. Нам же нужно, чтобы прогрессивная общественность Франции...

Короче, меня уговорили. Впрочем, особенно сильно я и не упирался. Если они действительно сделают то, что наобещали, – все будет просто отлично! Да даже если только половину – и то хорошо. К тому же после того, как «гости» покинули кабинет декана, я снова заглянул к нему, и мы пообщались насчет того, что через полтора с небольшим года на наш факультет будет поступать моя невеста.

– Она тоже отличница! Да и, понимаете, мы с ней с ее пер-

вого класса вместе. И в художественную школу вместе ходили, и в «музыкалку», и на плавание. Да и в забегах вместе участвовали. Даже в том же Кошицком марафоне...

Короче, декан пообещал мне, что поспособствует поступлению к нам на факультет «такой талантливой во всех отношениях и спортивной девочке». Конечно, было совершенно понятно, что никаких гарантий этот разговор не дает – все будет зависеть от того, какие у нас с ним будут отношения через эти самые полтора года. Да и не только с ним... Но, как бы там ни было – удочки были заброшены. А там будем посмотреть, как оно все повернется.

Ну а на следующее утро ко мне приехала моя Аленка...

Две недели пролетели как один день. Мы не только гуляли по Питеру, но и сгоняли в Таллин. В прошлой жизни я побывал там уже в шестьдесят лет, притом что те же Ригу и Юрмалу удалось посетить еще на излете Советского Союза, так что для меня эта поездка была вполне себе приятна и познавательна. А вот Аленку город слегка разочаровал. Она категорично заявила:

– Прага красивее!

Кроме того, мы немножко приоделись. За прошедшие четыре с небольшим месяца я немного пообтерся и познакомился кое с кем из местной «фарцы», окучивающим центр Питера в целом и наш универ в частности, и перед приездом моей любимой сделал им несколько заказов по требуемым размерам... Так что день на третий после ее приезда мы с

ней почти на два с половиной часа зависли в одной из квартир Петроградской стороны. Платье, пара юбок, три блузки, джемпер и курточка с парой зимних сапог обошлись мне в тысячу с лишним. И еще пятьсот рублей я потратил на себя. Уговорили... Чтоб вы понимали, стандартной зарплатой молодого инженера в это время было сто двадцать рублей. И это инженера! Портнихи, вагоновожатые, приемщицы в ателье, водители, телефонистки, слесари, продавщицы, колхозники, медицинские сестры, учительницы младших классов, то есть основной, самый массовый слой трудящихся получал куда меньше – от сорока пяти рублей до восьмидесяти-ста... То есть за один раз у нас на тряпки ушло где-то полторы-две наиболее распространенные в стране годовые зарплаты! Но, увы, то, что продавалось в советских магазинах, носить было чаще всего невозможно. Несмотря на то что в стране существовали дома моды, которые регулярно разрабатывали разные коллекции, магазины в основном были заполнены ублюдочными вещами, модели которых по большей части ориентировались не на моду или удобство, а на всякие технологические вещи, типа наиболее выгодного раскроя тканей и кожи с наименьшим количеством отходов или сокращения расхода ниток на одну единицу продукции. Как во всем этом будет выглядеть сам человек – было делом совершенно второстепенным. Вон наши деды и отцы вообще в лохмотьях ходили или в лучшем случае в ватниках и валенках – и ничего. А вам добротное пальто предлагают, из драпа, да еще

с меховым воротником из кролика, а вы нос воротите! Ну и что, что модель с минимальными изменениями стоит в производстве уже больше двадцати лет? Зато она отработана и не мешает нашему передовому социалистическому предприятию «давать» план, который, как известно – закон, выполнение его – долг, а перевыполнение – честь! Так что будете носить, что выпускаем – не развалитесь...

В один из дней, когда мы завалились поужинать в ресторан гостиницы «Европейская», проникнув туда за три рубля, врученные швейцару, и пятерку, пошедшую в карман метрдотелю, у нас произошла неожиданная и забавная встреча. Мы с Аленкой увлеченно обсуждали, брать нам к уже заказанному жульен или и так обожремся, когда у нашего столика внезапно возник... «рыжий»! Как я понял – он клюнул именно на Аленку. Она у меня ради сегодняшнего выхода облачилась во все «фирменное» и буквально блистала. Я тоже оделся соответствующе, но куда скромнее. Так что взгляды присутствующих, направленные в сторону моей любимой, мы замечали еще до того, как «рыжий» ввалился в ресторан в сопровождении довольно шумной компании из таких же, как и он сам, «прикинутых» мальчиков и разношерстных девочек, часть из которых также была «прикинута», а часть... ну того, не очень. Причем две из подобных «не очень» были мне вполне знакомы, поскольку являлись студентками нашей группы, из числа тех, что тусовались вместе с «рыжим» и «блондинчиком»...

Увидев Аленку, «рыжий» резко затормозил. Ну почти как в мультиках про хитрого койота и дорожного бегуна... Похоже, он уже был изрядно пьян. Потому что стоял, слегка покачиваясь.

— Оу, какая девушка! — выдохнул «рыжий», когда обрел наконец дар речи. И, расплывшись в слащавой улыбке, качнулся к нашему столу, опершись на него руками, после чего, не обращая на меня никакого внимания, начал: — М-м-м, девушка, а вы не хотите...

— Убогий, тебе-то что здесь нужно? — довольно громко поинтересовался я, перебивая его. Вот с чего это он стал таким наглым? Когда мое «инкогнито» оказалось раскрыто, «рыжий» почти две недели категорически отказывался верить в обнародованные сведения, продолжая утверждать, что я все та же «неотесанная деревенщина из Зажопинска», а все, кто утверждает обратное, — жертвы мистификации или просто дебилы. И только после того, как Линка Полубоярова, отказав «блондинчику», пригласила меня на танец, скрепя зубами, перестал настаивать на этом. Потому что тогда становилось просто необъяснимо, почему Линка предпочла им, таким классным, стильным и обеспеченным, какую-то деревенщину из Зажопинска... Задирать же меня он перестал, когда я во время институтских соревнований по боксу завалял его на ринге не просто с разгромным счетом, но и вообще нокаутом. После чего он неделю отлеживался, приходя в себя. Как выяснилось, «рыжий» тоже занимался боксом, что,

впрочем, он не раз громогласно подчеркивал, но реальный его уровень оказался весьма слаб. Впрочем, я тоже не стал звездой универа по этому виду спорта, заняв относительно скромное четвертое место. Но первые три заняли студенты, которые к этому моменту уже являлись камээсами и мастерами в этом виде спорта. Так что из простых разрядников я оказался самым лучшим! А уж когда он узнал, что я записался еще и на чемпионат университета по самбо, то вообще притух... Вследствие чего сейчас я был очень удивлен подобным наездом.

– Акх... – «рыжий» сфокусировал взгляд на мне и удивленно выдохнул. Блин, да он, похоже, меня даже не заметил. Вот это залп наповал! Впрочем, ситуацию надо было срочно разруливать. Вот еще драки в ресторане мне не хватало... Я повернулся к Аленке и, извиняюще улыбнувшись, выдал по-английски:

– Sorry, this is my classmate, and he had a little too much alcohol!¹

Моя любовь на мгновение удивленно округлила глаза, но тут же сориентировалась:

– Oh, it's okay, I understand,² – заниматься английским с репетитором она начала вместе со мной, так что сейчас отставала от меня в этом не очень сильно. Несмотря на то, что я вроде как уже четыре месяца обучался языкам в про-

---

¹ Извините, это мой однокашник, и он немного перебрал с алкоголем! (англ.)

² О, все в порядке, я понимаю (англ.).

фильном высшем учебном заведении. Все-таки индивидуальные занятия куда эффективнее групповых – нет возможности сачкануть, спрятавшись за спины товарищей...

«Рыжий» побледнел и придушенно выдавил:

– Иностранка...

А я добавил ему паники, прошепев:

– Вали отсюда быстрее, урод! Если, не дай бог, сорвешь операцию...

Через три вдоха они исчезли, причем не только от нашего столика, но и из ресторана. Мы с любимой переглянулись и-и-и... нет, не расхохотались, а тихонько захихикали. В голос мы ржали после, когда вернулись домой...

Аленка уехала от меня в субботу, двенадцатого января. После того как я занес в ее купе чемодан с обновками, мы долго стояли на перроне обнявшись, и только когда поезд уже тронулся, она оторвалась от меня и взлетела на ступеньки, откуда потом еще долго махала мне ладошкой, одетой в вязаную варежку. А из ее глаз потоком текли слезы. Впрочем, я и сам... нет, ничего...

Подготовка к участию в марафоне началась с конфликта с назначенным мне тренером. Он яростно пытался заставить меня сесть на «поддерживающую терапию», заявляя, что те таблетки и препараты, которые он мне предлагает, это вовсе не допинг, а всего лишь «безвредные витамины». Но я категорически отказался все это пить. После чего он заявил, что в таком случае вынужден будет немедленно доложить «на-

верх» о том, что я нарушаю дисциплину и категорически отказываюсь следовать программе тренировок. И он не сомневается, что в таком случае меня немедленно отстранят от поездки. Ха, он думал этим меня напугать!

— Знаете, а я в нее и не рвусь, — с милой улыбкой сообщил я ему. — Более того, если вам удастся сделать так, чтобы я не поехал в Париж — буду вам очень благодарен, — после чего моя улыбка превратилась в оскал. — А вот если меня таки все равно заставят туда отправиться, а вы не перестанете приставать ко мне со всей этой химией — я категорически откажусь тренироваться с вами. Понятно?

После этих слов тренер, суровый сорокалетний мужик, несколько мгновений яростно сверлил меня взглядом, а потом как-то резко успокоился и, пробурчав: «Ну как знаешь...» — махнул рукой в сторону старта.

А еще я записался в группу французского языка. До этого момента профильными у меня были английский и немецкий, но раз уж мне предстояло ехать в Париж... Кстати, в рамках языковой тренировки я снова перевел свою любимую песню «Вспомните, ребята!», но уже на французский язык. Наша преподавательница французского, правя мой перевод, изрядно ржала, но потом даже вызвалась поработать со мной над произношением. Потому что у меня был, как она сказала, просто ужаснейший акцент.

Взаимоотношения с группой после той встречи с «рыжим» в ресторане также кардинально поменялись. Нет, я не

изображал из себя никакого «тайного агента», наоборот, все отрицал, говорил, что даже не упоминал ни о каком «задании», что «рыжему» и остальным все послышалось, демонстративно смеялся над «дурацкой конспирологией», умудрившись запустить это словосочетание в широкий обиход. Короче – делал все, чтобы мне точно не поверили... Ну мне и не поверили. И в этом мне, кстати, очень помогли две наши одноклассницы, которые были с «рыжим» в тот вечер. Ведь недаром говорится, что женщины на самом деле вполне могут хранить секреты, просто надо помнить, что это – тяжелая работа и потому справиться с ней они могут только все вместе... Кем уж там меня теперь считали в группе – я не в курсе, но, слава богу, провокации со стороны одноклассниц и девчонок из соседних групп вследствие этого почти сошли на нет. Так что после того происшествия мне стало чуточку полегче. Да и благодаря росту тренировочной нагрузки (а она возросла заметно, потому что теперь дистанция в двадцать километров за день стала для меня стандартной) я стал уставать куда больше. То есть у меня появились, так сказать, мои личные колокольня и дровокольня. Ну как в пока еще не снятой здесь милой итальянской комедии «Укрощение строптивого». Слава богу, что где-то с восьмого класса мне начало хватать, чтобы выспаться, часов пять, максимум шесть сна. Уж не знаю почему. Возможно, из-за энергии. Теперь я ощущал ее почти постоянно. Хотя в спокойном состоянии едва-едва. А вот при нагрузках она начинала

ощущаться куда явственнее... Так что времени на все хватало. Поэтому до момента приезда Аленки на весенние каникулы я дожил вполне себе спокойно.

Неделя вместе с любимой, как обычно, пролетела быстро. Мы съездили в Выборг, умудрившись заодно попрактиковаться в языке, поскольку в одном из выборгских баров «законтачили» с парой не совсем трезвых финнов. Ну да, они опять «клюнули» на мою Аленку, изрядно возбудив основной контингент пасущихся в этом же баре «интердевочек», то есть валютных путан. К моему удивлению, оказалось, что в Выборге их едва ли не больше, чем в Питере. Ну, если судить по паре-тройке тех баров, которые мы посетили... Однако, узнав, что дама с кавалером и точно не «из этих», финны резко сбавили напор и стали вести себя прилично. После чего мы очень мило прообщались весь вечер... Причем после того, как мы, увидев, что финны через какое-то время решили-таки подцепить себе дам, стали прощаться, они, к нашему удивлению, тут же послали уже снятых девочек на хрен, предпочтя им нашу компанию. А во время прощания начали нас сильно уговаривать снова встретиться здесь же через неделю тем же составом. Но моя любимая их разочаровала, сказав, что через неделю ее уже в Питере не будет. Потому что она приехала ненадолго в гости к жениху, который учится в Ленинграде.

В начале марта я заключил договор с издательством «Детская литература» на публикацию трех моих романов. Пер-

вые два – старые, которые я, однако, довольно сильно переработал. Впрочем, так поступали сейчас все авторы. Тот же Корней Чуковский, по слухам, даже свою «Муху-цокотуху» и иже с ними перерабатывал раз пятнадцать, а то и больше. Хотя что там можно переделывать?!

Начало апреля вышло суетным. И хотя вся та мутотень, которая в СССР сопровождает любого выезжающего за рубеж, для меня лично прошла в намного более облегченном варианте, но все равно нервы мне потрепали сильно. Так что, когда меня на инструктаже снова начали пугать карами даже за мысли о том, чтобы остаться за границей, я психанул и швырнул инструктирующему в лицо свой паспорт с криками:

– А я туда и не рвусь! Сами заставляете! – ну честное слово – достали уже...

Париж встретил меня с «командой поддержки», в которую входили тренер, массажист и парочка сопровождающих от Госкомспорта и понятно какой организации, пасмурным небом и противным морозящим дождем. Мы прилетели в пятницу, четвертого, а сам марафон был запланирован на воскресенье, шестого. Так что у меня был один день на подготовку и акклиматизацию. Который, естественно, я потратил на то, чтобы погулять по Парижу.

В этом городе я, в оставленном будущем, был несколько раз. Первый раз всей семьей – с любимой и детьми, а остальные только вдвоем с Аленкой. Нам он нравился, но в то же

время отношения «Ах, Париж!» или «Увидеть Париж и умереть!» не было от слова «совсем». Красивый и приятный европейский город. Немножко грязноватый – но где ж их чистые нынче в Европе отыщешь-то? Ну, среди крупных... Нам вообще в Европе больше нравились не столицы и крупные города, а маленькие ухоженные городки. Лучше всего немецкие, в долине Мозеля – Эдигер, Кохем, Энкирх и тому подобные, или австрийские типа Ибс-ан-дер-Донау и Мелька. Нет, в Париже, конечно, есть свой шарм, но жить здесь я бы точно не хотел...

Денег на этот раз мне снова поменяли не слишком много, но на десяток флаконов французских духов мне хватило. Один, самый крутой – Аленке, три – мамам и бабусе, а остальные, подешевле, в универ. Старосте, секретарю декана и еще нескольким людям, к которым, даст бог, мне не нужно будет обращаться через год с небольшим, когда моя любимая будет поступать на наш факультет. Но зато, если нужно, у них будет повод отнестись к моей просьбе повнимательнее... С теми же целями я прикупил и несколько упаковок мужских носков. И это, кстати, вызвало явственное облегчение на лице моих сопровождающих. Ибо человек, тратящий валюту на покупку шмотья и парфюмерии в объемах, заметно превышающих текущую необходимость, скорее всего действительно не собирается оставаться за границей.

Стартовали мы рано, в восемь утра. Для апрельского Парижа погода была еще довольно прохладной. Даже ледок на

лужах под ногами похрустывал.

Я сразу, со старта, взял хороший темп. Дело в том, что марафон – дистанция необычная. Резервов человеческого организма, как правило, хватает всего лишь где-то на тридцать с небольшим километров бега, после чего начинается то, что называется «стена». То есть даже тренированный организм просто отказывается бежать, поэтому его приходится принуждать к этому насильно. У меня с моей «энергией» запас прочности был заметно большим. Именно поэтому я со своей не слишком высокой скоростью бега, не позволявшей мне, несмотря на всю мою нынешнюю спортивную историю, на любых экзаменах, зачетах и соревнованиях, «выбегать» из первого разряда... ну, или максимум КМС, именно на марафонских дистанциях показывал отличный результат. То есть я мог бежать, пусть и не очень быстро, зато взятый темп держал довольно долго.

Где-то через полчаса я снова впал в то самое подобие транса, которое помогло мне выиграть Кошицкий марафон, так что, по всем прикидкам, и здесь должен был показать неплохой результат. Вряд ли выиграть, конечно, но выступить вполне достойно. И, судя по всему, был очень близок к этому... Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Вследствие чего буквально за километр до финиша мне под ноги внезапно выскочила какая-то собачонка, с налета тяпнувшая меня за голень. Отчего я кувырком полетел на асфальт!

– А-а-агх... – я с трудом поднялся на ноги, рассматривая стесанную коленку. И тут ко мне из толпы подскочила какая-то юная мадемуазель и затараторила:

– Mon Dieu, Monsieur! Je suis juste désespéré! Je suis vraiment désolé! Lucy est généralement si calme...³

Я шумно выдохнул, махнул рукой и попытался сделать шаг. Однако ногу прострелило болью, и я чуть снова не завалился. Мадемуазель испуганно замолчала, но затем упрямо стиснула губы и ловко подставила плечико, помогая мне остаться на ногах. Я сделал несколько вдохов, покосился на парочку спортсменов, устало пробегающих мимо меня, и, стиснув зубы, попробовал сделать еще один шаг. Ногу снова прострелило болью, но уже как-то легче. Похоже, я начал к ней претерпеваться... И тут перед моим носом возник какой-то тип с микрофоном, позади которого маячила камера. А еще несколько набегали чуть дальше.

– Monsieur, quelques questions...⁴

Я еще больше стиснул зубы и, мотнув головой, сделал следующий шаг. Потом еще. Худенькая француженка мужественно поддерживала мою немаленькую тушу.

– Русские не сдаются, – прохрипел я, делая очередной шаг. – Русские не сдаются! РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ... – взревел я и побежал. Тяжко. Грузно. Скрипя зубами от бо-

---

³ Боже мой, мсье! Я просто в отчаянии! Мне очень жаль! Люси обычно такая спокойная...

⁴ Мсье, несколько вопросов...

ли. И злобно рыча себе под нос эти слова. Какая там победа уже... но я должен, должен был добежать!

Короче, на следующее утро я проснулся знаменитым. Как оказалось, мой последний километр снимали едва ли не все телестудии, которые освещали этот марафон. От французских до американских и шведских с испанскими. И все зрители этих каналов сейчас гадали, что же такое я орал, когда ковылял к финишу... Ну, помните анекдот про репортаж японских журналистов с лыжной гонки в Саппоро? Когда, после того как посреди гонки началась оттепель, у русского лыжника спросили, как он относится к тому, что погода поставила крест на его шансах выиграть гонку. А русский в ответ произнес магическое заклинание: «Аихусим!», после чего взял и таки выиграл гонку... Вот и мое «магическое заклинание» сразу не расшифровали. Полмира мучилось и гадало, глядя на экраны, что же это такое я орал, хромая к финишу. Возможно, знаменитый русский мат? Или просто бессвязное бормотание от боли. Потому что ногу себе я за этот километр раздолбал капитально. Вследствие чего дико себя ругал... Ведь я собирался жить долго и счастливо! Теломерную терапию внедрить пораньше. И до этого все шло хорошо. Мы с любимой даже почти и не болели. Я за все время школы «бюллетенил» всего три раза, причем два из них с типичными детскими болезнями – ветрянкой и краснухой. А любимая всего пять. Притом что в прошлый раз она умудрилась вляпаться и в коклюш, и в желтуху. Сейчас

же бог миловал... Ну а тут я взял и сдуру устроил себе травму средней тяжести. Причем сам! Вот что мне с того, что я добежал? Дождался бы спокойненько медиков с носилками, и все было бы куда лучше...

Так что вечер после марафона я провел, страдая от собственного идиотизма. Но потом вроде как какой-то старенький эмигрант вслушался в репортаж какого-то из каналов, чей микрофон маячил довольно близко от моего лица, и дозвонился в студию, сообщив им, что именно я там рычал. После чего сентиментальные французы зашлись в эйфории. Потому как наружу тут же был извлечен старый репортаж со мной на Кошицком марафоне, а вслед за ними потоком пошли воспоминания разных значимых людей о том, как мы вместе сражались с фашизмом, очередной юбилей победы над которым будет отмечаться вот буквально через три недели. Вкупе к этому выяснилось, что ближайшая к отелю, в котором мы остановились, станция метро носит название «Сталинград»... Так что репортаж канала TF 1, корреспонденты которого приехали ко мне брать интервью, начался именно с этого весьма символического совпадения. Мол, о том, что русские не сдаются, – мы помним еще со времен Сталинграда! Вследствие чего, несмотря на то, что я не вошел не то что в тройку лидеров, но и даже в первую двадчатку, главную задачу, которая передо мной ставилась – привлечь внимание и симпатии «французской прогрессивной общественности», я выполнил даже не на сто, а на триста процентов. Впрочем,

это совсем не означало того, что меня по возвращении похвалят, а не устроят выволочку...

Глава 3

– Но почему я?

Сидевший передо мной «прилизанный» радушно улыбнулся:

– Понимаете, Роман, вы просто отлично справились в Париже. И вы сейчас очень популярны в Европе. Не прям уж ах, но во многих репортажах, в которых упоминается Олимпиада, вспоминают и про вас... Так что даже если вы не слишком проявите себя на Олимпиаде – с вами точно захотят сделать несколько репортажей. Причем, скорее всего, крайне позитивных. Уж так к вам относятся французы... А против нашей страны сейчас ведется крайне активная кампания в западной прессе. Нас мажут грязью, как только могут. Так что любой позитивный материал сейчас крайне важен!

– М-м-м... ну и пусть делают. Я ж не против. Зачем мне...

– Специально ради встречи с вами, Роман, – поспешно прервал меня «прилизанный», – сюда, в Ленинград, точно никто не поедет.

– Ну так это же будут каникулы. Так что я уже буду не в...

– Это тоже не выход. Поскольку вся пресса приедет в Москву освещать Олимпиаду – они и будут освещать Олимпиаду. И про вас они точно вспомнят, только если вы будете частью этой Олимпиады, понимаете?

Мой «парижский вояж» действительно прогремел.

Несмотря на то что вылетать домой мы должны были уже в понедельник, то есть на следующий после марафона день, в Париже я задержался еще почти на целую неделю. Под предлогом того, что мою ногу, которую осмотрели и подлечили французские медики, пока лучше не беспокоить. Но реально потому, что четыре дня подряд, до самого вечера четверга, через мой номер потоком шли корреспонденты, представители общественных организаций, деятели культуры, депутаты и все такое прочее. Ибо я – на некоторое время, естественно, – стал модной темой. К тому же та худенькая француженка, чья собачка так мне подгадила, оказалась внучкой известнейшего французского кутюрье Пьера Нордена. Тот был открытым геем и никогда не был женат, а ее бабушка была известной актрисой и обладала просто броневой шармом, вследствие чего, по признанию кутюрье, оказалась единственной женщиной, с которой он имел в жизни близость... Впрочем, это было не важно. А вот то, что Изабель буквально прописалась в моем номере, взяв на себя обязанности моей сиделки, а также секретаря и как бы не телохранительницы, позволило французской прессе удариться в буйные романтические фантазии о внезапно вспыхнувшей любви «мужественного русского bogatir» и утонченной француженки. Хотя я почти сразу же сообщил Изабель, что у меня есть невеста и что я ее очень люблю. Уж не знаю, были в действительности у нее в отношении меня какие-то планы (ну хотя бы на небольшую интрижку), но ее реакция

меня очень порадовала. Она сказала, что и не думала ни о чем подобном, а просто считает себя виновной в моей травме, а посему назначает себя моей сестрой и будет заботиться обо мне со всем сестринским вниманием. Что же касается моей невесты, то она очень хочет с ней подружиться. А еще перед отъездом, выпросив у меня ее размеры, приволокла мне для Аленки целый чемодан шмотья «от бабушки». Вряд ли из новой коллекции, конечно, но и то... Для журналистов этот момент остался за кадром, а вот дружеский поцелуй от Изабель в щечку, в аэропорту, куда она приехала меня проводить, они запечатлели со всех сторон. Что вызвало новый всплеск интереса к моей персоне. Хотя и не настолько большой, чем первый. Но ее слова о том, что она непременно приедет в Москву, на Олимпиаду, на которой будет болеть за меня, вновь были растиражированы на всю Францию. И это несмотря на то, что я ей говорил, что не участвую в Олимпиаде... Вследствие всего этого у меня дома, как я и ожидал, случились большие проблемы. И, так сказать, «от государства», и от моей любимой.

Впрочем, с государством все устаканилось довольно быстро. Поскольку реакция иностранной (в первую очередь французской) «прессы» оказалась на девяносто процентов положительной, мне хоть и устроили головомойку за, так сказать, излишнюю инициативность и отступление от согласованного сценария, но эдак по-доброму. Без огонька. На чем все и закончилось... С любимой же ситуация оказалась

немного посложнее. Впрочем, как только на меня начался относительно серьезный наезд – я припомнил предыдущий случай нашей размолвки, ну, когда она устроила мне многодневный игнор из-за письма внучки маршала Бабаджаняна, и совет деда. После чего довольно жестко заявил:

– Я ничего никому объяснять не буду. Я тебе уже сказал, что люблю только тебя. И хочу быть только с тобой. Никто больше меня в качестве человека, с которым я хочу прожить всю оставшуюся жизнь, не интересует. Так что реши для себя сама – ты хочешь быть со мной? Если да – то ты мне доверяешь. Если нет – то нам надо перестать друг друга мучить... – и, посмотрев в ее испуганные глаза, пояснил уже куда менее жестким тоном: – Пойми, малыш, в жизни людей всякой грязи и домыслов всегда много. Особенно людей более-менее известных. А я уже стал таким «более-менее». Не как какой-нибудь артист, конечно, но и писатели со спортсменами у нас во многом на слуху. Так что раз уж я в это вляпался, то они будут и вокруг меня. Поэтому реши один раз, последний – ты мне веришь?

Она несколько мгновений молча смотрела на меня глазами раненой серны, после чего сделала шаг вперед и, уткнувшись мне в грудь лицом, тихо прошептала:

– Да... – на этом, как я думал, все мои проблемы и закончились. И вот на тебе...

«Прилизанный» улыбнулся:

– К тому же есть еще один момент. Мадемуазель Изабель

Жорийяр забронировала номер люкс в отеле «Космос» и купила билеты на несколько соревнований, одним из которых является марафонский забег.

Я в голос застонал. Ну вот за что мне это?!

– Слушайте, если вы считаете, что это послужит для меня дополнительным побудительным мотивом согласиться на ваше предложение, то дела обстоят совсем наоборот. Изабель, конечно, хорошая девушка, но мне совсем не нужно...

– Роман, нашей стране нужно, чтобы вы участвовали в Олимпийском марафоне! – голос и взгляд «прилизанного» стал излучать металл. Я свирепо вскинулся. Но сидевший передо мной в кабинете декана человек был достаточно опытен, чтобы понять, что чуть не перегнул палку. Поэтому он забросил мне еще одну наживку. Куда более вкусную для меня.

– Ну неужели вы откажете Изабель в маленьком сувенире. Ведь как раз в июле должна выйти ваша первая книжка в новой серии. Тем более должен вам сказать, что ее мать последние несколько лет близка с одним из главных акционеров одного из крупнейших французских издательств – Fayard, в котором, кстати, выходили книги о Фантомасе, – и он поощряюще улыбнулся. А я задумался. Да, тут дяденька меня поймал...

Дело было в том, что у одного из спортсменов, отобранных для участия в соревнованиях по марафону на Олимпиаде-80, воспалился аппендикс. Вследствие чего ему при-

шлось срочно делать операцию. После чего он, естественно, напрочь выпал из тренировочного процесса. Но СССР, как страна, проводящая Олимпиаду, имела право на замену. Ну, или просто имела, безотносительно Олимпиады. Скажем, у нашей страны было некое твердое количество мест, которые она могла заполнить кем хотела. Я ж был не настолько погружен в перипетии большого спорта, чтобы хорошо разбираться во всех этих правилах... Вот в качестве этой замены и решили выставить меня. Естественно, в первую очередь по, как это говорилось в покинутом мною будущем, медийным соображениям. На сколько-нибудь заметный спортивный результат от меня никто обоснованно не рассчитывал. Уж больно высокая конкуренция ожидалась на предстоящей Олимпиаде.

Дело в том, что то ли из-за того, что СССР пока так и не ввел сороковую армию в Афганистан, то ли по каким еще причинам, но бойкот Олимпиады здесь устроить не удалось. Ну не то чтобы совсем-совсем, но он точно не набрал того размаха, который я помнил. Нет, американцы пытались шуметь, грозить, даже слово это звучало, но вроде как СССР пока как-то получалось все это купировать. И на данный момент ни один олимпийский комитет ни одной страны так и не объявил, что ее спортсмены не приедут на Олимпиаду в Москву. Хотя индивидуальные отказы случились. Но их было немного. И были они по большей части не от топовых спортсменов, а от всякой шушеры из второго эшелона, пы-

тающейся хоть так попиариться и обратить на себя внимание возможных спонсоров. Все же топовые спортсмены подтвердили участие... Так что «мировой спортивный праздник» в Москве на этот раз должен был пройти с куда большим размахом, чем в той истории, которую здесь помнил только я. И поучаствовать в ней реально было бы интересно. Вот только у меня на время Олимпиады были совершенно иные планы. Но, увы, все они вот только что пошли по боку. Зарубежное издание есть зарубежное издание. Особенно в это время.

– Ладно, – вздохнул я, – согласен. – Но тут же предупредил: – Только на особенно высокий результат не рассчитывайте. У меня колено до сих пор не восстановилось. Я же вон даже в Забеге Победы в этом году не участвовал...

– Ну вот и отлично! – «Прилизанный», который на этот раз разговаривал со мной в одиночестве, радостно потер руки: – Тогда у меня вот какое предложение...

– Э-э, нет, погодите! – вскинулся я. – У меня будет несколько условий.

«Прилизанный» напрягся.

– Да не волнуйтесь, – я махнул рукой. – Не страшных. Во-первых, я хочу, чтобы мы с Аленкой пробежали на эстафете олимпийского огня. И чтобы нам на память остался факел. А также... – а как вы хотели? Нечего приучать этих ребят к тому, что они могут получить от меня что-то, не напрягаясь взамен...

Участок эстафеты мы с Аленкой пробежали в Подольске,

семнадцатого июля, после чего я прямым ходом отправился в Олимпийскую деревню, которая представляла из себя комплекс стандартных шестнадцатиэтажек на юго-западе Москвы. Нога у меня к тому моменту практически прошла. То есть она меня вот совсем никак не беспокоила. Ну да, в молодости все обычно заживает как на собаке, а вот как оно будет ближе к старости, я сказать не мог. В прошлой жизни артрит у меня расцвел пышным цветом уже к тридцати пяти. Скорее всего, это были последствия регулярно переносимых на ногах простуд и гриппа. Увы, в ротном звене лишних людей нет, и любой заболевший и выпавший из графика дежурств и караулов означал пропорциональное повышение нагрузки на всех остальных. А нас и так выходными совсем не баловали. Если в месяц выпадала хотя бы парочка таких – можно было сказать, что месяц удался. Так что все болезни мы чаще всего переносили на ногах. Я даже как-то с температурой тридцать восемь умудрился начальником караула сходить. Вот мне потом это все и аукнулось...

Парни, с которыми меня заселили, были все сплошь и рядом знакомы друг с другом. Ну да, на одних и тех же соревнованиях уже столько лет пересекаются... Я же знал только человек шесть-семь, с которыми так или иначе контактировал на Спартакиаде. Да и то не очень близко.

Отношение ко мне было странное. С одной стороны, все были достаточно дружелюбны, а с другой – нет-нет да и проskalзывало в глазах у парней недоумение. Мол, а этот-то

как сюда попал? Но вслух никто ничего не говорил.

Как меня просветили – основными претендентами на победу в марафоне были двое: немец из ГДР Вольдемар Церпински и американец Билл Роджерс, знаменитый тем, что два года назад выиграл двадцать семь забегов из тридцати, в которых участвовал. Из-за чего известный американский спортивный ежемесячник Track & Field News очередной раз объявил его лучшим марафонцем года. Очередной, потому что он уже получал это звание в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. Скорее всего, в прошлый раз он в Олимпиаде не участвовал. Потому что тогда американцы объявили ей полный бойкот. Но в этот раз вот приехал... Меня это не слишком волновало – ни на какие медали я и не думал претендовать, а кроме того, у меня хватало своих забот. Потому что Изабель приехала-таки. Причем не одна, а со всей семьей. То есть с мамой, ее «другом», ну который акционер издательства Fayard, и даже со своим именитым дедушкой... На мне это отразилось тем, что меня отпустили из Олимпийской деревни на встречу с ней и ее родственниками.

Дело в том, что для всех советских спортсменов на все время Олимпиады было введено практически казарменное положение. И никаких выходов за пределы Олимпийской деревни не предусматривалось. Впрочем, не знаю, может, у кого-то из самых именитых были некоторые послабления, но у нас все было по-строгому. Так что то, что мне был предоставлен подобный «выходной», остальными было расценено

довольно неприязненно. Хотя вслух никто не возмущался... Но мне было по большому счету все равно.

Встреча с Изабель и ее родней состоялась в фойе гостиницы «Космос». Высокие договаривающиеся стороны (как это обычно озвучивалось в программе «Время») прибыли на встречу в составе... короче, с нашей стороны также были практически все. То есть дедуся с бабусей, папа, мама, сестренка и родители Аленки с ее старшим братом. Папа моей любимой к тому моменту уже защитился второй раз и ныне пребывал в статусе доктора наук, отец пока только примеривался к докторской, но тоже пребывал в статусе советского ученого, да еще и связанного с космосом, ну а у деда на пиджаке от орденов и медалей не было видно ткани. Так что наша сторона выглядела вполне себе солидно.

Изабель с мамой и... м-м-м... ее другом, а также дедушкой вышла из лифта и бросилась... нет не ко мне, а к стоящей рядом со мной Аленке.

– Оу, здравствуй, – с милым акцентом начала она по-русски. – Ромьян о тебе так мною рассказывать, что я очень хотела... э-э-э... хотела с тобой познакомиться!

Аленка, которую все последние пять минут буквально била дрожь, едва заметно всхлипнула и ошутимо расслабилась, но тут же взяла себя в руки и торопливо зашебетала:

– Il m'a beaucoup parlé de toi aussi. Et je voulais te rencontrer aussi!⁵

---

⁵ Он мне тоже много о тебе рассказывал. И я тоже хотела с тобой познакомиться-

– Tu connais le français?⁶ – удивилась Изабель.

– Un peu⁷, – слегка запинаясь, ответила моя любовь. – Je viens de commencer à l'enseigner. Je connais mieux l'anglais.⁸

– Then let's switch to English⁹, – весело предложила Изабель, тут же переключившись на английский. После чего они принялись о чем-то шушукаться, предоставив мне право знакомить друг с другом всех остальных.

Когда с церемониалом приветствия было покончено, мы перешли в лобби-бар, где выпили по чашечке кофе. Я ради такого случая решил распотрошить «кубышку», так что в деньгах мы особенно ограничены не были. Поэтому какого-то стеснения перед иностранцами никто не испытывал. Что только пошло на пользу общению. А после того как дедушка Изабель угостил мужчин каким-то элитным французским коньяком из собственной фляжки, а дедуся в ответ выставил на стол собственноручно изготовленную наливочку на черной смородине, атмосфера и вообще стала довольно теплой.

Где-то через полчаса я торжественно вручил Изабель новое издание своего романа, вышедшее уже в «рамке», объяснив, что это – самая популярная серия приключенческой

ся! (*фр.*)

⁶ Ты знаешь французский? (*фр.*)

⁷ Немного (*фр.*).

⁸ Я только начала его учить. Я лучше знаю английский (*фр.*).

⁹ Тогда давайте перейдем на английский (*англ.*).

и фантастической литературы в СССР, которая выходит с тридцать шестого года. И что в ней публиковались такие французские авторы, как Жюль Верн, Александр Дюма, Морис Ренар... и теперь вот и я наконец тоже удостоился этой чести. Этим тут же заинтересовался мсье Жерар и бывший тем самым «другом моей мамы», который начал расспрашивать меня о моей литературной деятельности. Я сообщил, что у меня уже вышло несколько книг, которые издавались в таких издательствах, как «Молодая гвардия» и «Лениздат». А кроме того, у меня уже есть и зарубежные издания... Короче, мы с ним договорились чуть позже обсудить эти вопросы поподробнее, после чего я был отпущен к весьма спешившимся девушкам, которые в этот момент над чем-то хохотали в два голоса.

А еще через полчаса было решено поехать куда-нибудь поужинать. Так что мы все вышли из отеля и, сев в машины, отправились в ресторан «Седьмое небо», расположенный в Останкинской телебашне, до которой от «Космоса» ехать было всего десять минут. Потому что трафик по городу был совершенно свободный. По меркам будущего даже не «0» баллов, а где-то около «-5». В этом времени и так с машинами было очень напряженно, да еще и власти страны и столицы предприняли дополнительные усилия, дабы иностранцы во время Олимпиады чувствовали себя максимально комфортно. Для этого вступительные экзамены в вузы специально были перенесены на время после Олимпиады. А

также во многих учреждениях людей буквально под приказом на время Олимпиады выперли в отпуска. Впрочем, по этому поводу мало кто расстроился. Отпуск летом – это ж мечта!.. Кроме того, была ограничена продажа билетов на пригородные автобусы и электрички для жителей подмосковных деревень и городков. Они продавались почти исключительно по московской прописке. А еще ЖЭКа поставили задачу обойти поквартирно всех пенсионеров и «зарядить» их на то, чтобы они на время Олимпиады уехали из Москвы и засели на дачах, даже и не думая путаться под ногами у иностранных гостей. Плюс из города вывезли практически всех школьников, задействовав для этого не только подмосковные пионерлагеря, но и расположенные в соседних областях и даже в других республиках. Так что город был практически пуст.

Попасть в этот ресторан было не очень и просто. И дело даже не в том, что столики надо было непременно заказывать – совершенно не факт, что у тебя вообще примут подобный заказ! Но у нас они были заказаны. И, если честно, не нами самими. Но тут уж так – коль пасут и контролируют, пусть и обеспечивают...

Ужин прошел отлично! В прошлой жизни я побывал в этом ресторане уже после пожара башни, так что для меня его нынешние интерьеры были, как и для всех остальных, в новинку. Тем более что Останкинская телебашня на данный момент считалась самым высоким строением Европы, а ре-

сторан вот только пару лет как потерял звание самого высокого в мире, уступив первенство такому же заведению, расположенному на телебашне Торонто. О чем нам гордо сообщил метрдотель... Так что все с удовольствием крутили головами и ахали от восхищения.

Кухня в ресторане оказалась вполне приличной. Ну на наш вкус. А вот дедушке Изабель, похоже, не очень понравилась. Иначе сложно объяснить, почему он взял на себя торжественное обязательство сводить нас всех в свой любимый ресторан в Париже.

Мужики снова приняли по маленькой дедовой наливочки (папа и дедуся были за рулем, но пока немножко выпить было можно), а дамы «причастились» бутылкой французского вина, которую прихватила мама Изабель. После чего все дружно перешли на местный алкоголь. Ну да, легендам о крепко пьющих русских – сто лет в обед. Как и байкам о том, как французские матери при недостатке молока поят своих французских младенцев красным вином. Так что никого ничего не удивило... Как бы там ни было, ужин прошел, как это сейчас принято говорить у дикторов телевидения, в теплой, дружественной обстановке. Вследствие чего он слегка затянулся. Так что все присутствующие смогли сполна насладиться видом с высоты не только дневной, но и ночной Москвы.

А когда мы отвезли гостей обратно в гостиницу, мсье Жерар последовал примеру дедушки Изабель и сказал, что хо-

тел бы видеть нас всех у себя в гостях в Париже. Ну а юная француженка сердечно попрощалась с Аленкой и легко ма-
занула губами по моей щеке. Причем моя любовь меня из-
за этого даже не взревновала...

Дальше все потекло своим чередом. Из звонков я знал,
что мои родные встречались с французами еще дважды,
а Изабель даже съездила в гости к Аленке в наш городок.
Причем с ночевкой. Я же безвылазно скучал в Олимпийской
деревне. Потому что, несмотря на все ожидания, активность
прессы в моем отношении была не очень высокой. Нет, меня
действительно не забыли – за прошедшее с начала Олимпи-
ады время у меня раза три взяли интервью. А кроме того,
я побывал на двух телеэфирах – у французов и у чехов. Но
и только. Основными героями репортажей являлись, есте-
ственно, спортсмены, которые уже выступали и чего-то там
выиграли. Мой же старт был еще впереди...

Олимпийский марафонский забег стартовал первого ав-
густа в семнадцать часов с минутами на стадионе Лужники.
Слава богу, было не очень жарко – градусов двадцать, а то и
слегка поменьше. Так что в трусах и майке с номером было,
как бы это сказать, свежо... Я торчал в самом хвосте, време-
нами вытягивая голову и пытаясь разглядеть знакомые лица
на трибуне. Ну да – моих разместили всех, выдав им ВИП-
приглашения. Билетов-то никто покупать и не думал. Ну, ко-
гда еще была такая возможность... Потому что в тот момент
никто, даже я сам, не предполагал, что хоть кто-то из знако-

мых будет хотя бы краем связан с Олимпиадой. Не говоря уж обо мне самом... А тратить деньги, просто чтобы зафиксировать «я был на Олимпиаде», никто не собирался. У нас с Аленкой вообще были планы на это время снова укатить к ее бабушке в Кучугуры...

Стартовал я плоховато. Отстал. Потом долго не мог поймать то самое состояние транса. И лишь где-то минут через двадцать – двадцать пять, когда я добежал до Большого Москворецкого моста, у меня наконец-то начало что-то получаться. Группа лидеров к тому моменту отделилась от меня, по ощущениям, чуть ли не на полкилометра, так что я перестал дергаться, успокоился и вошел в ритм. Мне, как бы это сказать, *побежалось*. Да так, что голова отключилась напрочь...

Снова осознавать себя я начал, когда вокруг уже всюду бушевали трибуны стадиона. Мы бежали... Кто именно эти «мы», я не видел, но справа, слева и сзади от меня слышалось чье-то напряженное, хриплое дыхание. Та самая энергия эдак плавно пульсировала, неторопливо перетекая из груди в ноги и обратно, но этого уже точно не хватало. Потому что когда она перетекала к груди – ноги у меня начинали дрожать и чуть ли не заплетаться, а когда уходила в ноги, я начинал дышать как загнанная лошадь. Помимо этого, кружилась голова. Шумело в ушах. А еще было ощущение, будто моя кожа – не моя, а кого-то, кто был размера на два-три больше меня. Поэтому она просто обвисла и болталась

вокруг тела при каждом движении, будто одежда, которая мне сильно велика. Но при этом я бежал! И впереди меня не маячило ни одной спины. Впрочем, вполне возможно, что лидеры уже финишировали...

Беговая дорожка начала плавно поворачивать, выводя нас на финишную прямую. Внутри мышц как будто поселились мелкие осы, которым это очень не нравилось, и поэтому они всем скопом принялись жалить меня изнутри... В этот момент тот, кто бежал справа от меня, внезапно задышал сильнее, и я боковым зрением заметил, как справа, на периферии, замелькали его усердно работающие руки. Сил как-то внешне реагировать у меня не было, но мои ноги, сами собой, отчего-то тоже начали двигаться чуть быстрее. Совсем чуть... Где-то с полминуты все висело в неустойчивом равновесии, а потом шумные вздохи справа стали клокочащими, после чего руки снова исчезли из поля зрения. Впрочем, я на это никак не отреагировал. Я вообще ни на что больше не реагировал. У меня даже было ощущение, что я просто падаю, и еще не упал окончательно лишь потому, что у меня как-то получается быстро переставлять подгибающиеся ноги. Но едва я замедлюсь или, не дай бог, запнусь...

Что было потом, я помнил смутно. Вот вроде бежал, а тут раз – и меня кто-то подхватил и, вопя, принялся колотить по плечам и спине. А я еще некоторое время продолжал, на автомате, дергать руками и ногами, никак не реагируя на внезапно возникшее препятствие. Через несколько секунд ме-

ня наконец-то остановили, потрясли, покрутили, после чего отвели в раздевалку, где почти сразу же уложили на массажный стол. Ну и дали попить. И вот это уже было настоящим блаженством...

Награждение состоялось уже через полчаса. Я к тому моменту чуть-чуть оклемался, но все еще пребывал в прострации. Так что когда меня вызвали на награждение, я тупо спросил:

– А меня-то на хрена?

В ответ народ дружно заржал. А главный тренер бегунов снова похлопал по плечу и заявил:

– Молодец! Не посрамил...

И только когда я взгромоздился на самую высокую ступеньку пьедестала почета, до меня дошло, что я ни с того ни с сего выиграл Олимпиаду...

Следующие два дня, до самой церемонии закрытия, меня просто разрывали на части! Я дал, наверное, штук двадцать интервью, побывал в дюжине временных студий разных каналов и, наконец-таки, исполнил-таки под гитару ту песню «Вспомните, ребята», которую за прошедший год с лишним успел перевести на французский и английский языки. После чего меня с ходу пригласили выступить на Le Printemps de Bourges, музыкальном фестивале, проходящем в Бурже, столице французского департамента Шер. Причем чем дальше, тем больше у меня складывалось ощущение, что я все меньше и меньше контролирую свою собственную жизнь. И что

меня подхватила какая-то волна и несет, несет, несет... А еще, что меня вот-вот так шмякнет этой волной о какую-нибудь скалу, что от меня мокрого места не останется! И мне это ощущение очень, нет, не так – **ОЧЕНЬ** не нравилось...

Изабель с родственниками улетела домой десятого августа. Перед отлетом мы с Аленкой вместе с ними прокатились на четыре дня в Ленинград, где я и моя любимая немножко поработали гидами, проведя французских гостей нашей страны кроме музеев, где у них были свои экскурсоводы, еще и по нашим любимым местам.

Питер французам очень понравился. А еще мы прямо там заключили с мсье Жераром договор на издание во Франции всех трех книг моего пока единственного фантастического цикла. То есть того, который должен был выйти в «рамке». Друг мамы Изабель просто вызвал в Ленинград своего юриста, а я, через Якова Израилевича, подтянул представителя ВААПа. После чего они все и согласовали... Так что, как ни крути, мне следовало поблагодарить «прилизанного». Благодаря тому что он втянул меня во все это, я получил кучу разных «плюшек», на большую часть которых и надеяться не смел. Но у меня, наоборот, все это вызывало глухое раздражение. Я слишком устал быть наверху и принимать участие в играх «больших дядей» в качестве разменной фигуры. Пусть мне и удалось перейти из пешки в кого-то типа слона или коня... но вот не мое это от слова «совсем». Как выяснилось, я очень не люблю находиться где-то в ближней

орбите власти...

Конец лета прошел гораздо спокойнее. Мы на две недели съездили к Алениной бабушке в Кучугуры, где отоспались, накупались и дали всем друзьям детства моей любимой пощупать мою олимпийскую медаль.

А в конце августа я вернулся в Ленинград.

В универе меня встретили чуть ли не с фанфарами. Во входном холле я обнаружил огромный лист стенгазеты, посвященный моему «спортивному подвигу», а на Доске почета свою увеличенную фотографию из личного дела. Кроме того, я выступил на линейке, посвященной началу учебного года, дал интервью парочке газет и местному питерскому телеканалу, последовательно посетил декана, заместителя ректора и самого ректора. И все это время улыбался и благодарил, благодарил и улыбался, улыбался и-и-и... короче, когда я наконец-то добрался до съемной квартиры на «Ломоносовской», то просто упал, не в силах даже материться. Ну вот за что мне это все? Не собирался же никуда лезть! Тихо-спокойно развивался. Ни по гимнастике, ни по плаванию, ни по самбо с боксом, ни даже по мотокроссу никогда ни один серьезный чемпионат не выиграл. В певцы и композиторы тоже особенно не лез. Никаких хитов не перепевал. В писатели тоже пошел по совсем несерьезному жанру. И вот на тебе... А главное – без толку. Даже себя никак не обезопасил. Стоит только левому пальцу младшего помощника шестого секретаря пожелать – от меня мокрое место останется. Сей-

час ведь не времена «тирана Путина». Даже за границу не уедешь. А здесь – отрежут от всего и просто выкинут из жизни! И из универа вылеку, и вообще могут запретить приближаться к Москве и Ленинграду на пушечный выстрел. Сахаров, вон, целый академик, гений, отец советской водородной бомбы, а сидит в своем Горьком и не жужжит. Я на его фоне вообще вошь! И хотя, в отличие от него, я никаким диссидентством и борьбой с режимом заниматься не собирался, но кто его знает, что там «наверху» решат? Я ведь уже фигура весьма заметная. То есть для тех, кто наверху, – вполне себе значимый ресурс. И кто-то может захотеть меня нагнуть и опустить просто для того, чтобы выбить этот ресурс из рук конкурирующей группы. Ну чтобы ее ослабить. У них же там, наверху, свои расклады, и на жизни тех, кто ниже, им вообще наплевать! Как людям на муравьев, которые где-то под ногами шебуршатся, планы какие-то строят, мечтают. А потом их подошвой кеда – хлюп, и кранты...

Однако, несмотря на все мои опасения, жизнь потихоньку начала входить в свою колею. А в конце сентября я решил заняться тем, что собирался сделать еще год назад, но все руки не доходили. Сначала обживался, а потом закрутились дела с Парижским марафоном и Олимпиадой... Получить права. Пока на мотоцикл. Потому что по возрасту я имел возможность получить только их. Водить эту технику я уже умел – два года в секции мотокросса как-никак... Правилам дорожного движения нас там также учили туго. Мол, со-

ревнования соревнованиями, но вы же учитесь управлению транспортным средством, то есть источником повышенной опасности. Так что знать, как его правильно эксплуатировать на дорогах общего пользования, просто обязаны! Тем более что хотя кроссовые мотоциклы эксплуатировать на таких дорогах запрещено – они не оборудованы требуемой световой сигнализацией и не имеют общегражданских регистрационных номеров, на такие дороги мы, естественно, выезжали. А как бы иначе мы добирались до мест проведения соревнований? Секция у нас маленькая, бедная, техники для транспортировки мотоциклов не имеется. Так что, как правило, к местам местных и региональных соревнований, в которых мы по большей части и участвовали, добираться приходилось своим ходом. Потихоньку, огородами, так сказать, но своим... Вследствие чего опыт передвижения по дорогам и улицам у меня также имелся. Ну и плюс водительский стаж из будущего в шестьдесят с лишним лет тоже. Причем по дорогам не только своей страны, но и трех десятков других. В том числе и с левосторонним движением. По той же Австралии я за рулем минивена, в котором было аж семь человек – четверо взрослых и трое детей, самому младшему из которых на тот момент было всего восемь месяцев, накатал за две недели нашего путешествия больше двух тысяч километров... Вследствие чего я решил не заморачиваться водительскими курсами, а просто купил последнее издание ПДД в Доме книги на Невском и, проштудировав его в течение

нескольких вечеров на предмет внесенных изменений, тупо приперся в ГАИ Невского района. Писать заявление на сдачу экзамена экстерном.

– Тебе чего? – хмуро поинтересовался у меня весьма упитанный гаишник, к которому меня отправили с моим заявлением.

– На права хочу сдать. Экстерном.

– На какие права?

– На мотоцикл.

– На мотоци-и-икл? – Гаишник скривился и повернулся к соседу по кабинету. – Ты гляди, какая шустрая молодежь пошла... И чего ж тебе в группе-то не сидится? Вон, в октябре новую группу вас, смертничков, набираем – так давай, записывайся, – и он громко захохотал. Я спокойно пожал плечами:

– А зачем? Что мне там расскажут того, что я не знаю?

– В смысле?

– Так вот, – я выложил перед ним пока еще действующее удостоверение перворазрядника по мотокроссу. Гаишник нахмурился и, покосившись на меня, удивленно уточнил:

– А чего это у тебя тогда значок мастера спорта на пиджаке?

– Да это не по мотоциклу, а по марафонскому бегу, – пояснил я. – После Олимпиады велели непременно носить.

– После Олимпиады? – восторженно спросил его сосед по кабине-

ту и впился в меня глазами: – Марков?!

Короче, вот так я получил первый нормальный профит от своей победы на Олимпиаде. Потому что права мне выдали через два дня. Почитай, взамен на автографы. Потому что по ПДД меня никто особенно и не спрашивал, больше про Олимпиаду.

В октябре я получил возможность впервые попробовать свои силы в, так сказать, «серьезном жанре». Ну типа. Издательство «Советская Россия» заказало мне автобиографическую книжку про себя. Мол, как простой советский школьник рос-рос, становился пионером, комсомольцем, а потом вырос и стал олимпийским чемпионом. Тираж мизерный. Заплатить мне собирались по нижней ставке. Но я заткнулся и сел за машинку. Потому что мне позвонил Пастухов и сообщил, что моя будущая книжка запланирована как стартовая в серии о «героях» Олимпиады и в ЦК уделяется ей большое внимание. Потому как планируется, что такая «забавная зверушка», как я, должна непременно заинтересовать зарубежные издательства, и наверху надеются пропихнуть на иностранные рынки всю серию. То есть одним махом и престиж СССР повысить, и денег заработать. А то уж больно сильно на Олимпиаду потратились. Ну это я так ерничаю... То есть он рассказал мне все это, естественно, совершенно другими словами, но я понял вот так. И засел за работу. Потому как если у них все получится – это уже могло дать кое-какие гарантии безопасности. Ну ладно – не сами гарантии,

но хотя бы надежду на них...

А в ноябре, как обычно, ко мне приехала Аленка. Я встретил ее на вокзале, после чего мы отправились напрямиком на квартиру, где она тут же закрылась в ванной. Я же пошел на кухню. Она ж ехала всю ночь – так что точно голодная... Увы, мои познания в кулинарии со времен прошлой жизни выросли ненамного. Хотя делать шашлык я, в отличие от того раза, научился. И был полон желания освоить хитрую науку жарки стейков. Ну а пока вершиной моего кулинарного искусства была банальная яичница или, в крайнем случае, омлет.

Я успел выложить глазунью на тарелку и поставить рядом масленку и тарелку с тостами, как по коридору быстро прошлепали босые ножки, а затем ко мне прижалось нечто настолько горячее, что меня буквально пробило током.

– А у нас уже был медосмотр, – тихо прошептали мне на ухо.

Я замер. А она продолжила:

– И я уже в десятом классе. Последнем. Больше школьных медосмотров не будет...

Я сглотнул.

– А еще я поговорила с мамой.

Я судорожно выдохнул и, повернувшись, уставился в горящие глаза любимой. А она молча взяла меня за руку и повела с кухни...

Глава 4

– Двести тридцать седьмая команда – на выход!

Я вздрогнул и, разогнувшись, огляделся по сторонам. В городском сборном пункте Ленинградского военкомата, расположенного на Загородном проспекте, пятьдесят четыре, совсем рядом с Витебским вокзалом, я куковал уже сутки. Загрести меня попытались практически сразу, как мне исполнилось восемнадцать. Повестка пришла буквально через неделю. Слава богу, что я аккуратно прошел приписную комиссию и успел наладить кое-какие контакты в военкомате. Вследствие чего мне удалось получить небольшую отсрочку. На три недели. Что позволило мне в авральном режиме закрыть текущую сессию. Где-то автоматом, а где-то через декана, напросившись на сдачу экзамена досрочно. Так что в армию я уходил практически студентом третьего курса... В принципе контакты в военкомате я устанавливал немного не для этого, а чтобы получить от него направление на обучение на права водителя грузового автомобиля. Иначе туда было не пробиться. Ну как минимум таким семнадцатилетним соплякам, как я. На легковые еще можно было как-то записаться, и то по блату, а вот на грузовики... Но и в этом случае установленные контакты помогли. Все-таки к олимпийским чемпионам отношение не совсем такое же, как к обычным людям. А если он еще и писатель...

Прошедший год показал мне, что любые исторические процессы имеют свою инерцию, преодолеть которую практически невозможно. О чем это я? Увы, СССР вляпался-таки по полной в Афганистан. На год с лишним позже, чем я помнил, и, возможно, чуть лучше подготовившись – все-таки, по слухам, спецназ и десантура там находились уже года полтора, но ненадолго. Истории про то, как афганцы ножами вырезали целые танковые полки, как в моей первой молодости, тут не ходили, но потери пошли сразу же. И никакие репортажи о том, как советские военные врачи принимают роды у афганских крестьянок, а советские солдаты высаживают аллеи дружбы на улицах афганских городов, этого скрыть не смогли. Так что страна слегка напряглась. Ибо «профессиональный» контингент в составе Вооруженных сил СССР был мизерным. Вследствие чего воевать в Афгане предстояло призывникам и резервистам. И гибнуть. А за что именно будут гибнуть восемнадцатилетние пацаны или тридцатилетние, обремененные семьями мужики, волевым решением верховной власти выдернутые из-за станка, кульмана или баранки автомобиля, в жаркой, чужой стране – народу особенно не объяснили. Типа в рамках противодействия «мировому империализму» и для «помощи свободолюбивому афганскому народу». Вот только выходило, что этот самый свободолюбивый народ этих своих помощников отчего-то сильно невзлюбил...

А вообще прошлый год был хорошим. Наверное, самым

лучшим из всех, что мне уже удалось прожить во второй жизни. Книжку, или, скорее, брошюру, для издательства «Советская Россия» я закончил к середине декабря. Но в тот момент СССР уже ввел войска в Афганистан, и шансы на зарубежную публикацию устремились к нулю. Впрочем, сразу наверху не сдались. И на нашей семье это отразилось самым благоприятным образом. Потому что нас с Аленкой и несколькими родственниками буквально выпихнули в Париж. И денег, к моему удивлению, нам разрешили наменять весьма щедро. По двести рублей на лицо...

А вы как думали? В СССР никаких обменников в принципе не существовало. Валюта была полным и исключительным ресурсом государства, и владение ею гражданам запрещалось категорически. Так что можно было получить реальный срок просто за наличие долларов на руках вне зависимости от того, как они тебе достались. А любые попытки купить иностранные деньги с рук чаще всего заканчивались либо огромными сроками «за валютную спекуляцию», либо вообще смертной казнью. Так что, даже имея на руках пресловутую выездную визу и, например, оплаченную турпутевку, просто так купить желаемое количество валюты было невозможно. Объем разрешенной к покупке валюты был строго ограничен. Именно поэтому уезжающие на гастроли балерины Большого театра или оперные дивы Мариинки перед поездкой массово закупались супами в пакетиках и консервами, предпочитая тратить скудные валютные команди-

ровочные на покупку импортных шмоток, обуви, косметики, парфюмерии и электроники, которые на голову превосходили все, что производилось в СССР в этих областях, питаться же супами, сваренными с помощью кипятильника. При чем ходили байки, что супчики варили, используя для этого выложенные фольгой чаши биде своих роскошных номеров, предоставленных подобным, без всякого сомнения, звездам мирового уровня принимающей стороной. Типа даже сами Плесецкая с Улановой этим не брезговали...

По срокам поездки у нас выпала на Рождество и Новый год. Выпустили же нас впятером – я с любимой, дедуся, мама и Аленкин папа. В полном составе выехать не разрешили.

Изабель встретила нас на лимузине в аэропорту Шарль-де-Голль и отвезла на виллу к матери. Ну, то есть, вернее, ее друга – мсье Жерара. Они с мамой жили там все вместе. Сам он в этот момент находился в отъезде по делам бизнеса, но к выходным должен был вернуться.

Десять дней пролетели незаметно. Мы гуляли по Парижу – площадь Звезды с Триумфальной аркой, Елисейские Поля, улица Риволи, Лувр, Эйфелева башня, Монмартр, Гран-Бульвары, Опера Гарнье. В прошлой жизни мы с Аленкой были в Париже несколько раз. Первый – всей семьей. Остановились в небольшом отельчике, уровня три звезды плюс, в квартале от Гран-Бульваров, и целыми днями пропадали на экскурсиях. Кроме самого Парижа побывали в Версале, Фонтенбло, Шантийи, Шенансо, Амбуазе. Ну и, конечно,

свозили детей в местный Диснейленд. А на лестнице, ведущей к базилике Санкре-кер, Аленку с дочей пытались развести какие-то негры, нахально навязав им на руки фенечки и начав агрессивно требовать денег. Я их шуганул, и они убежали, обозвав меня расистом... Так что во время этих прогулок я еще слегка и поностальгировал. О прошлом. И Изабель это заметила.

– Рома, а ты уже когда-то был в Париже? Ну, кроме как на том марафоне.

– Я? Нет, конечно! А что?

– Ну-у-у... мы сейчас ходим по тем местам, где ты в прошлый раз не был, все удивляются и восхищаются, а у тебя такой вид, что ты уже здесь бывал и сейчас вспоминаешь.

Я напрягся. Блин, этого мне еще не хватало...

– Дело в том, что это правда, – с этими словами я уверенно улыбнулся. – Я много читал про ваш прекрасный город. Смотрел фотографии. Ведь Хемингуэй написал, что, увидев Париж, можно уже и умирать... Так что я с ним действительно знаком. И у меня такое чувство, как будто я на самом деле гулял по его улицам. Потому что сейчас узнаю уже виденное. Кусками, конечно... причем наиболее известными, но-о-о... у меня хорошее воображение. Я же писатель! Так что... Ха! А вон там, за поворотом, должно быть кабаре «Лапин Ажилъ», в котором любили бывать Пикассо, Поль Верлен, Ренуар! Точно – вот оно!

О деле мы с мсье Жераром поговорили на следующий

день после его возвращения из поездки. Как выяснилось, он летал в США. И поездка оказалась для него не слишком удачной. Так что вернулся он не в духе. Но на следующий день слегка оттаял.

Узнав о планах товарищей «наверху» на серию, он слегка поморщился.

– Понимаешь, Роман, я не вижу за этим особенных перспектив. После того как СССР ввел войска в Афганистан, отношение к вашей стране, в той среде, которой была бы интересна подобная серия, уж извини, изменилось в сторону негатива. Так что я просто не вижу у нее коммерческих перспектив, – начал он, после чего замолчал, некоторое время подумал, а потом задумчиво произнес: – Хотя-я-я... конкретно твою книгу я, пожалуй, могу и издать. У тебя в прошлом году была хорошая пресса. Да и на экране ты смотришься вполне фотогенично. А уж если сумеешь выиграть Парижский марафон в следующем году, то с продажами все может получиться очень неплохо. Но что касается всей серии... – он покачал головой.

Со знаменитым дедом Изабель мы встретились дважды. Один раз он пригласил нас пообедать в знаменитый ресторан «Жюль Верн», расположенный на втором этаже Эйфелевой башни (как цветисто выразился при этом маэстро Норден – «совершим путешествие от одной башни к другой»), а второй – устроил нам ужин на своей вилле в пригороде Парижа. Кроме того, он подарил всем по вещи из своей коллек-

ции. Мужчинам достались роскошные свитера, а женщинам – брючные костюмы или комплекты из юбки и жакета. Причем не только присутствующим, а всем. То есть и тем членам семьи, которые остались дома. Правда, коллекция была прошлогодней, но сам факт обладания вещью из коллекции самого Пьера Нордена уже переводил нас в разряд небожителей, имеющих доступ к абсолютному эксклюзиву... Впрочем, наши женщины к таким «небожителям» были приобщены еще со времен моей прошлой поездки. Ну, когда я приволок Аленке чемодан от Изабель. Большая часть привезенных вещей, естественно, ни на кого, кроме нее, не налезла, но всякие там шарфики/шали/парео пошли по рукам практически сразу же.

Аленка с Изабель ходили все время вместе, как шерочка с машерочкой. И все время болтали. Я чувствую, за эти десять дней моя любимая очень сильно подтянула французский. Куда больше, чем я.

Еще одно событие, которое, кстати, возможно, окажет какое-то влияние на будущее, состоялось во время нашего посещения роскошного фирменного магазина Louis Vuitton на Елисейских Полях. Мама Изабель впечатлилась нашими советскими фибровыми чемоданами, обозвав их *adorable vintage*, и решила подарить нам новомодную продукцию всемирно известной марки, заявив, что более удобных чемоданов в мире нет и быть не может. И вот там я углядел одну вещь, которую уже давно искал. А именно – чемодан на ко-

лесиках!

Увы, нужной мне модели в продаже не оказалось. То есть колесики у чемодана были, а вот выдвижной алюминиевой ручки не имелось. Вместо нее к чемодану приспособили мягкую ременную петлю, за которую и предполагалось тянуть его за собой... Увидев, что я огорченно завис, мадемуазель Жорийяр тут же поинтересовалась, в чем у меня проблема, после чего мгновенно вытребовала управляющего, которому поставила задачу обеспечить «этому обаятельному молодому человеку» все, что он желает. Из дальнейшего разговора с управляющим выяснилось, что о такой модели чемодана, которую я хочу, он никогда не слышал. Даже вот эта модель, которая на колесиках, встала на производство не так давно и считалась самой современной. Потому как придумать колесики к чемодану придумали вообще не французы, а американцы. Ну а Louis Vuitton просто не так давно выкупили у них патент. Так что мне пришлось довольствоваться имеющейся моделью... Но после покупки управляющий пригласил меня в кабинет, где попросил меня хотя бы наброском нарисовать, что именно я имел в виду. Ну я и нарисовал несколько вариантов выдвижных ручек для чемоданов. Как-никак художественная школа за плечами. Управляющий несколько минут разглядывал мои рисунки, после чего спросил меня, как со мной можно будет связаться, если мои наброски заинтересуют их фирму. Я сказал, что лучше всего это сделать через мадемуазель Жорийяр и ее дочь. На

этом наше посещение магазина Louis Vuitton и закончилось.

А перед самым отъездом по психике советского человека был нанесен еще один удар. Мсье Жерар подарил нам визит в «Мулен Руж». Аленка все представление просидела пунцовая, но глазки при этом сверкали, что твои звезды. А уж какие она бросала на меня взгляды... Но, увы, ночевали мы в разных комнатах. Она – с папой, а я с дедом.

Возвращение в Москву было омрачено хреновой погодой, из-за которой нам пришлось почти сутки просидеть безвылазно в Шарль-де-Голле. Увы, в настоящее время самолеты не умели садиться при низкой облачности и уж тем более дожде. Так что по причине плохой погоды можно было зависнуть в аэропорту вылета на многие часы, а то и сутки. Выхать же из аэропорта было нельзя. Во-первых, у нас уже закончилась виза, так что нас бы просто никто не впустил обратно на территорию Франции, а во-вторых, у нас уже совсем не было денег. Все было спущено подчистую...

Предложение мсье Жерара дома никого не заинтересовало. Поэтому ни на Парижский марафон, ни куда-то еще я больше не поехал. Так что жизнь постепенно вошла в обычную колею – утренняя пробежка вдоль Невы, универ, легкая тренировка, три-четыре часа за пишущей машинкой. В феврале я выцыганил в военкомате направление на курсы подготовки водителей в ДОСААФ. Ну и установил кое-какие дополнительные контакты. Чтобы мне подтвердили ту самую приписку, которую дали еще дома. Ну его на хрен, эту вой-

ну... А в марте снова приехала Аленка, и мы с ней, кроме всего прочего, пробежались по кабинетам нашего факультета, где я представил ее как свою невесту и их будущую студентку, ненароком помянув, что по возвращении из армии собираюсь продолжить учебу именно в ее группе. Где бы и в каком бы университете или институте она ни находилась... А что – я гордость универа и факультета или как? Хотят меня и дальше видеть в своих рядах – пусть поспособствуют. В это время в универе как раз проходили «Дни открытых дверей», так что специально искать и договариваться о встрече ни с кем не потребовалось.

Ну а в середине мая, как я уже упоминал, мне пришла повестка...

– Так, призывник, ты кто?

Я поднял взгляд. Передо мной, слегка нависая, возвышался дюжий мужик в обычном полевом ПШ с погонами капитана. Но отчего-то с парашютиками с крылышками на петлицах. У ВДВ ж своя форма – ну такая, чтобы майка-тельник была уголком видна. Или я что-то путаю?

– Марков Роман, товарищ капитан! – бойко ответил я, подсакивая. Армейские привычки сработали раньше, чем мозги. Капитан окинул меня удовлетворенным взглядом.

– Так, команда какая?

Я ответил. Капитан нахмурился:

– Так, иди за мной, – после чего повернулся и двинулся куда-то в глубь коридоров.

Петляли мы не очень долго. Пара поворотов, и мы ввалились в какой-то кабинет, в котором сидел старшина сверхсрочник. Ух ты! А такие что, еще остались? Их еще не всех в прапоры переаттестовали?

– А ну-ка покажи личное дело вот этого гвардейца? – приказал ему капитан. Прапор недовольно покосился на него, но не стал ничего возражать. Только буркнул мне:

– Имя, фамилия, команда...

Я назвал. Он порылся в своих завалах и выдал капитану папку. Тот заинтересованно раскрыл ее и углубился в чтение.

– Фьюи, – присвистнул он через пару минут, после чего уставился на меня плотоядным взглядом. – Пойдет. Оформляй мне этого взамен заболевшего!

– Но, товарищ капитан... – вскинулся прапор.

– Что такое?! – взрыкнул тот. – Забыл, какая у меня команда? А ну шевелись давай!

И уже через два часа я вместе с двумя десятками таких же стриженных пацанов трясся в электричке Ленинград – Псков, потихоньку занимаясь осознанием факта, что все мои усилия оказаться подальше от этой никому не нужной войны пошли полным прахом...

На КМБ¹⁰ нас привезли в полевой лагерь неподалеку от

---

¹⁰ Курс молодого бойца – уже давно не являющееся официальным, но довольно распространенное название учебного курса, который призывники проходят перед присягой.

деревни Череха. Здесь на постоянной основе был дислоцирован один из полков семьдесят шестой гвардейской воздушно-десантной дивизии, которую все называли Псковской. Так что оснащение и содержание учебного пункта для новобранцев повесили на шею именно этой части. Но жили мы совершенно отдельно – в палатках.

Как выяснилось, для десантника я, со своими ростом, весом и размерами, все-таки оказался крупноват, зато мой студенческий статус и полный набор открытых – от «А» до «С», категорий в водительском удостоверении привели к тому, что я был отобран для дальнейшей учебы на сержанта-водителя. Но откомандировывать меня туда должны были только после полного прохождения КМБ, или, как это сейчас называлось, учебного пункта, и принятия присяги. Как, впрочем, и всех остальных, кто был отобран для обучения по каким-то более сложным воинским специальностям.

Сам КМБ занял где-то месяц. Но начался он только после того, как прибыли последние команды призывников. Вследствие чего те, кто, в отличие от меня, прибыл в первых командах, провели в этом лагере целых два с лишним месяца... Втянулся я быстро. Когда я учился в военном училище, мы тоже на лето уходили в полевые лагеря и также жили в палатках. Так что для меня все было более-менее знакомо. А вот многим из тех, кто попал в такие условия впервые, поначалу было тяжело. Но потом втянулись все. Человек – тварь приспособляемая и способна выжить в таких условиях, в ко-

торых любое животное быстро отдаст концы. Люди приспособились к жизни на всей поверхности планеты – от экватора и до ледовитых океанов, от долин и впадин, расположенных ниже уровня моря, и до склонов и вершин гор, освоив их до высот ажно в четыре с лишним километра. Да ни одно животное не имеет такого протяженного ареала расселения! Причем произошло это в седой древности, когда никакими особенными технологиями люди еще не обладали.

На присягу ко мне приехали родители с сестренкой, дедуся и Аленка. Несмотря на то что мне с моими почти метр девяносто один выдавали двойную порцию, за прошедший месяц я изрядно похудел, сделался куда более жилистым, а рожа и кисти рук загорели до черноты. Так что она меня не сразу узнала. А узнав, повисла на шее и разревелась. Меня же, когда я обнял ее, чуть не судорогой свело. Настолько я по ней соскучился...

– Невеста? – заинтересованно спросил меня сержант, дежуривший на КПП, когда она ушла.

– Да, – хмуро буркнул я.

– А ты ее уже того? – глумливо поинтересовался ефрейтор, торчавший у ворот. Я развернулся к нему, зло оскалился, а потом со всего духа звезданул по углу кирпичной будки, с одного удара выбив из нее несколько кирпичей. Кулаки у меня из-за многих лет колочения по газетам были крепкими, а раствор за долгое время изрядно раскрошился...

– Еще один такой вопрос – и следующий удар будет по

твоей челюсти, – угрожающе произнес я. После чего развернулся и двинулся к казарме. Переодеваться к присяге. А сержант с ефрейтором обалдело уставились мне вслед...

После присяги с последующим праздничным обедом нас отпустили в увольнение. С ночевкой. Причем Аленке в гостинице мои родные взяли отдельный номер. Так что ночь у меня была жаркой. А с утра мы с моей любимой выглядели... э-э-э... слегка помятыми... или не слегка... но о-о-очень счастливыми.

С ее поступлением в университет все прошло хорошо. Даже не пришлось задействовать все те связи, что я так старательно выстраивал. И сильно за это волновался. Меня ж нет – как там оно все повернется... Но моя умница сама все сдала. Ну да, она у меня тоже чуть-чуть не дотянула до золотой медали. Получила серебряную. Впрочем, и в прошлой жизни она так же окончила школу хоть и без медалей, но всего с одной или двумя четверками в аттестате. А уж сейчас – с учетом наших общих занятий, в том числе не только по школьным предметам, но и по развитию памяти, выносливости и координации, результат вышел еще лучше.

А через две недели «Ил-76» уже вез меня в Термез, в учебку ВДВ. Не знаю, уж как оно было там, в другом варианте реальности, но здесь перед отправкой в Афганистан уже с этого года все пополнение начали прогонять через учебку. То есть совсем все, а не только сержантов и специалистов. Ну и сержантскую школу, и школы специалистов – миномет-

чиков, саперов, водителей, наводчиков-операторов ПТУРС, поваров – также разместили поблизости. Скорее всего, это было сделано, чтобы потом не терять времени на дополнительные акклиматизацию и подготовку под этот специфический ТВД. Не факт, что так было уже во всех родах войск, но как минимум в ВДВ сейчас делали именно так. Все-таки наши части уже, считай, три года как зашли в Афган. Практически вместе со спецназом и «мусульманским батальоном».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.